
В. А. БОРЗУНОВ, Ю. Ф. КИРЮШИН, В. И. МАТЮЩЕНКО

**ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА ЭПОХ КАМНЯ И БРОНЗЫ
ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

Факторы развития первобытных поселений и жилищ. Исследования поселений и жилищ в разных регионах земного шара установили главенствующую роль экологического, экономического и социального факторов, определяющих характер этих видов материальной культуры.

Основная функция поселений и жилищ — создание необходимого закрытого пространства, ограничивающего человека от вредного воздействия окружающей природной и социальной среды. С этим связаны топографическая привязка поселков, наличие в ряде их оборонительных сооружений, ориентировка жилищ, расположение построек относительно водоемов и господствующих ветров, наличие дренажных канав и т. д. Это же обстоятельство диктовало и соответствующие технические решения при сооружении жилищ. С учетом экологической обстановки решались вопросы защиты человека от холода, сырости, жары, а также отопления помещения, приготовления пищи. В зависимости от природной обстановки использовались камень, дерево, камыш или другой строительный материал [1; 2, с. 11].

Облик поселений и их построек во многом определялся также характером трудовой деятельности и типом хозяйства [3], ибо вторая (не менее важная) функция поселения и жилища — обеспечение жизнедеятельности коллектива и ее организация. Это предполагало определенный численный состав обитателей поселка и каждого жилища [2, с. 11], расположение поселений в местах, удобных для рыбной ловли, добычи необходимого сырья (камня, руд и т. п.), выпаса скота и т. д. Этим же объяснялась функциональная дифференциация поселков (стоянки и поселения рыболовов, охотничьи лагеря, селища скотоводов, металлургические центры и т. д.) и построек (разделение их на жилые, хозяйственные, производственные). Кроме того, домашняя производственная деятельность (изготовление керамики, обработка кости, камня, отливка металлических изделий) иногда протекала в жилых помещениях, что отражалось на характере как всего сооружения, так и его интерьера. Последнее было обычно и для построек ранних этапов развития человечества — эпох камня и бронзы. В Западной Сибири в

это время домашнее производство не достигло еще уровня ремесла, не привело к обособлению этой деятельности и ее специализации до такой степени, которая требует специальных помещений, не связанных (или почти не связанных) с жилыми комплексами.

Наконец, характер, планировка, размеры поселений и построек, детали интерьера жилищ зависели от социального и демографического факторов: уровня развития, структуры и численности общин. Уровень развития общества определял общий тип поселения и жилища, степень их сложности и совершенства. От численности общин зависели размеры поселков, в определенной степени разнообразие жилых и хозяйственных построек, протяженность и мощность фортификаций. Пространственное распределение поселков и построек в конечном счете регламентировалось также и социальной структурой общества. Так, размещение поселений, обитатели которых были связаны родоплеменными узами, как правило, характеризовалось наличием достаточно устойчивых связей между этими поселениями. В самих поселках жилища часто концентрировались группами, принадлежащими определенной фратриальной родо-племенной или семейно-клановой единицам. Многие исследователи пытаются также обнаружить связь между площадью жилища и определенной формой семьи. Несомненно, такая связь существует, но она требует проверки конкретным материалом. Современное традиционное жилище аборигенов Сибири площадью 30—40 м² предназначено для семьи из пяти-семи человек. Наверное, в большинстве случаев это справедливо также для эпох неолита и бронзы. Вместе с тем с неолита до поздней бронзы существовали жилища площадью от 50 до 230—300 м², вмещавшие большую семью (большесемейную общину) или раннепервобытную общину.

Рассматривая изменение поселений и жилищ во времени и пространстве, отметим роль новаций и традиций. В целом различные по происхождению и влиянию на развитие поселенческой архитектуры новации и инновации в значительной степени объясняются постоянными процессами приспособления первобытных коллективов к изменяющейся природно-климатической обстановке и этнической среде (в условиях миграций и относительно стационарного обитания), а также динамикой хозяйственной деятельности и социального развития, о чем уже говорилось. В не меньшей степени на поселенческое строительство оказывали влияние совершенствование орудий труда, общетадиальные достижения, специфика культурных контактов и этнических процессов.

Помимо новаций, существенную роль в истории жилища играла традиция — «социальная по своему механизму форма передачи человеческого опыта» [4, с. 8]. Иногда она сохранялась в течение очень длительного времени и придавала устой-

чивость типам жилищ от эпохи к эпохе. Среди традиций можно различить две группы. Первая группа — традиции, сформировавшиеся в результате адаптации первобытных общин к экологической обстановке и определенным хозяйственным занятиям. Эти традиции чаще всего объясняются функциональными особенностями жилищ: они отражают связь жилищ с хозяйственно-культурным типом населения. В кругу нашего рассмотрения находились поселения и жилища обществ, которые не знали или знали сравнительно слабо производящие виды экономики. Вряд ли стоит принимать в расчет возможные попытки освоения скотоводства и земледелия, например, населением екатерининской культуры. Более заметен опыт перехода к производящему хозяйству носителей елунинской, кротовской и самусьской культур. Усиливается роль скотоводства, бесспорно, у андроновского (федоровского и федоровско-алакульского), черкаскульского, пахомовского, бархатовского, межовского населения, у еловских, южных сузгунских и гамаюнских групп. Однако процесс внедрения в экономику и быт скотоводства и земледелия, как мы убеждаемся, у этих обществ не привел к коренным изменениям в характере поселений и жилищ, как это проявилось у андроновцев степной зоны и ирменцев. Поэтому андроновские и ирменские жилища принципиально отличны от подобных сооружений лесной полосы. Вторая группа традиций сформировалась в результате этнической общности населения, они передавались от поколения к поколению в рамках одного этноса. Эти черты чаще всего трудно объяснить функциональным назначением жилища или каких-либо его деталей.

Типология поселений и жилищ. Полифункциональность поселений и жилищ, различие аспектов их исследования предопределяют несколько подходов в систематике. По общему облику, точнее — по степени защищенности, поселения подразделяются на укрепленные (городища), неукрепленные (селища) и смешанного типа (городища с примыкающими к ним селищами); по стационарности и времени функционирования — на долговременные (селища базовые, круглогодичные), сезонные (селища и стоянки летние и зимние), кратковременные (стоянки). По-видимому, целесообразно разграничение по основному типу хозяйственной деятельности: поселки скотоводов, рыболовов, охотников, металлургов и т. д. В пределах каждого типа возможны различные вариации.

Основные сооружения на поселениях доклассовых обществ функционально подразделяются на оборонительные, жилые, производственные и культовые. Три последние, как правило, представлены помещениями (постройками). Нередко наблюдается совмещение функций построек, особенно в эпохи камня и бронзы, о чем упоминалось выше. Этнографы предлагают различать постройки по принципу стационарности (стационарные

и переносные), времени использования (постоянные или круглогодичные, временные, периодического использования и т. д.), каркасу (каркасные и с самонесущими стенами).

Археологические классификации несколько отличны от вышеупомянутой. В качестве принципа и последовательности признаков при классификации построек по конструкции, технологии, материалам и строительным традициям, как и для фортификаций [5, с. 30—33], нами принята идеальная последовательность фаз реального процесса строительства. Отправное в типологии — соотношение углубленной и наземной частей, определяющее общий облик сооружения и фиксирующее тип жилища [6, с. 79—80]. В условиях археологической фиксации типология строится в зависимости от глубин котлованов: до 30 см — наземные постройки (I тип), от 30 до 150 см — полуземлянки (II тип), более 150 см — землянки (III тип). Безусловно, эта градация несовершенна, по крайней мере, была бы более правомерна корреляция глубин котлованов с их площадью. Вид каркаса и способ крепления стен определяют подтипы построек (легкие каркасные из жердей, каркасно-столбовые, бревенчатые, срубные). Грунт, форма котлована, количество камер, план наземной части, количество стен по периметру, форма крыши, входа, пол, отделка стен и т. д. фиксируют следующие категории и признаки классификации.

Рассмотрев распределение типов жилищ Зауралья и Западной Сибири в пространстве и времени, мы обнаружили, что неуглубленные постройки в ходе раскопок встречаются гораздо реже полуземлянок. Наземные сооружения открыты на палео- и мезолитических стоянках, на липчинских, кротовских, сузгунских, атлымских, барсовских, гамаюньских и межовских поселениях. Они не являются примечательной особенностью какой-то культуры, группы памятников или региона (пожалуй, кроме Зауралья, Сургутского Приобья и некоторых районов Нижнего Приобья). То же следует сказать относительно еще более редких землянок. Последние известны в развитии неолите в Зауралье, на Конде, в Нижнем и Сургутском Приобье, повсеместно — в позднем неолите, а также у населения межовской и гамаюньской культур. Этот тип жилища наряду с подтипом глубокой полуземлянки в определенной степени — стадильное явление для неолита, а для других эпох, скорее, исключение, чем правило. Наиболее представительным является тип полуземлянки. Он самый массовый среди изучаемых жилищ. Это позволяет нам провести внутри его дополнительную градацию: I вариант (подтип) — глубина котлована 30—50 см, II — от 50 до 100 см, III — от 100 до 150 см. Вариант I самый распространенный. Он характерен для мезолита Зауралья и Конды, широко представлен в екатерининской, липчинской и елунинской культурах, а также одиновских, степановских, андреевских, ташковских, крохалевских, самусьских,

логиновских, кротовских, андроновских, пахомовских, полымьятских, сузгунских, межовских, еловских, бархатовских, атлымских, барсовских, гамаюнских, красноозерских и карьковских поселках. Реже встречается вариант II (отдельные мезолитические кондинские постройки, неолитические и энеолитические зауральские и приобские, корчажкинские, межовские, ирменские, красноозерские, молчановские, возможно, самусьские и южные еловские), единично — III, хотя они практически сопутствуют варианту I. Наиболее глубокими, как нам представляется, были котлованы неолитических построек Притобольша, Нижнего и Сургутского Приобья, а также некоторых корчажкинских, ирменских и молчановских полужемлянкок.

Общая характеристика неукрепленных поселений и построек эпох камня и бронзы. Исследование генезиса и ранних типов поселений и жилищ Зауралья и Западной Сибири в значительной мере сдерживается нехваткой материалов. Безусловно, это объясняется не только особенностями археологического поиска, но и объективным положением вещей — малочисленностью стоянок периода первоначального освоения этих регионов человеком.

Открытые здесь палеолитические памятники тяготеют главным образом к Томскому Приобью (более 30), южным и восточным склонам Уральского хребта (18 и 7). Четыре стоянки выявлены в Среднем Прииртышье и Барабе, две — в Чаинском и Новосибирском Приобье, три — в Ачинско-Мариинской лесостепи [7, с. 4—14; 8, с. 12—13, 21—99; 18, с. 7; 19].

На Урале предки современного человека появились, по-видимому, в конце ашельской эпохи или мустье (около 100—60 тыс. лет назад), в периоды временного отступления ледника. Об этом свидетельствуют памятники, обнаруженные на Каме и Чусовой (Ганичата I, II и Пещерный Лог) [16, с. 49—50], стоянка Мысовая (Урта-Тюбе — нижний слой) — на оз. Карабалыкты в верховьях р. Урал [9, 10, 16] и древнейшая камнеобрабатывающая мастерская, открытая на северо-восточном и отчасти юго-восточном склонах горы Голый Камень в окрестностях Нижнего Тагила [11]. Следов жилых сооружений на этих памятниках не зафиксировано, но можно предполагать, что здесь могли существовать какие-то убежища на случай непогоды.

Как считают специалисты, намечаются два пути проникновения мустьерского человека на Урал. Первый пролегал из Средней Азии вдоль восточного побережья Каспия, далее по р. Урал, через Южное Приуралье в Прикамье. Второй, вероятнее всего, был связан с кавказско-европейским центром и шел вдоль Волги в Среднее, а затем Верхнее Прикамье [12, с. 50]. В позднем палеолите (40—10 тыс. лет назад) древний человек расселился по всему Уралу вплоть до Полярного круга. К этому периоду можно отнести более двух десятков пещерных и

открытых стоянок. На некоторых из них выявлены следы костров [12, с. 52—55]. Вместе с тем наличие жилищ типа легких каркасных наземных строений предполагается только на стоянке имени М. В. Талицкого (в устье Чусовой), представляющей охотничье стойбище, посещавшееся не более трех летних сезонов [13, с. 120—134]. Не позднее 13 тыс. лет назад, в относительно благоприятные в климатическом отношении периоды, древнейшие жители Урала начинают спускаться с гор в охотничьи экспедиции на прилегающие долины рек Тобола и Сосьвы [8, с. 21—34, 102, 103].

Стоянки Южного Урала и Зауралья находились, как правило, в пещерах и гротах (18) [7, с. 4—5; 14]. Однако, как предполагают исследователи этих памятников, при относительной густонаселенности Урала в верхнем палеолите традиция длительного обитания в пещерах отсутствовала. Посещение последних диктовалось чаще всего суровой необходимостью — для кратковременной остановки небольшой группы охотников в естественном убежище в случае непогоды. На это указывает специфический состав остатков, найденных в пещерах [14, с. 70]. Достаточно редкими и необычными местами обитания древнего человека были пещеры с настенной росписью (Каповая, Игнатьевская), служившие, по-видимому, главным образом святилищами. В местах разделки туш мамонтов (Шикаевка II) и других животных (Гаринская) жилых построек пока не обнаружено [13, 15, 17].

Несколько иная ситуация наблюдалась к востоку от Урала. Периодические наступления ледника и существовавший в периоды межледниковья обширный пресноводный бассейн между Уральским хребтом и Иртышом (а возможно, и Средней Обью) надолго отсрочили освоение Западной Сибири человеком. Первые редкие охотничьи группы приходят из Восточной Сибири и с Алтая в районы Обь-Чулымского междуречья, Чаинского и Томского Приобья около 16—17 тыс. лет назад или несколько ранее. В Среднее Прииртышье и Барабу они периодически проникают из более южных районов (Северного или Северо-Восточного Казахстана) не ранее 12 тыс. лет назад [8, с. 80—81; 18, с. 7]. Картографирование памятников позднего палеолита показывает, что большинство их располагалось близ юго-западного, южного и, возможно, юго-восточного краев древнего озера-моря [8, рис. 1].

Классифицируя верхнепалеолитические стоянки Западной Сибири по времени обитания и хозяйственной деятельности оставившего их населения, В. Т. Петрин выделил две группы: кратковременные сезонные стоянки и памятники хозяйственной деятельности, прежде всего охотничьей. «К первой группе отнесены стоянки Черноозерье II, Могочино I, менее определено — Венгерово-5, Ново-Тартасская. Их отличают: 1) значительная площадь залегания культурных остатков; 2) малая

мощность культурного слоя, отсутствие долговременных объектов; 3) сосредоточение культурного слоя в виде скопления, центром которого часто является очаг; 4) планиграфическое выделение мест обработки каменных орудий и других производственных площадок; 5) информативность бытовых остатков для полного восстановления событий; 6) отсутствие следов деятельности полного годовичного цикла (обитание в определенных сезонах)» [8, с. 116]. По-видимому, к этой же группе можно причислить Томскую стоянку, где «...имеются следы от трех самостоятельных актов: 1) добычи; 2) разделки туши; 3) обитания» [8, с. 113], а также другие, недавно выявленные стоянки Томского Приобья [18, с. 7—8; 19]. «Во вторую группу включены памятники, на которых, за редким исключением, отсутствуют следы обитания, и они отражают лишь одну из сторон жизни палеолитического человека — процесс непосредственной добычи мяса, шкур, бивней. Памятники подобного рода известны на самых различных территориях. К этой группе относятся Волчья Грива, Шикаевка II, Гари. Общими чертами для них являются: 1) большое количество костей крупных или стадных животных на ограниченной площади; 2) наличие костей почти от полных скелетов; 3) ограниченное количество каменных или костяных орудий и однородность их по назначению; 4) небольшое количество отходов при производстве каменных изделий; 5) возможность восстановления последовательности процесса событий» [8, с. 116]. Сюда же следует причислить три стоянки с верхнепалеолитической фауной Ачинско-Маринской лесостепи — Шестково VIII, IX и Березовый ручей I [18, с. 7].

Большая часть памятников верхнего палеолита Западно-Сибирской равнины малоинформативна с точки зрения представительности и сохранности жилых и производственных объектов. В двух случаях можно говорить о наличии специальных, возможно, хозяйственных ям — на стоянках Венгерово-5 и Могочино I [8, с. 63, 67—68], в одном (и то с очень малой вероятностью) — о существовании на стоянке Волчья Грива полуземляночной постройки, укрепленной в основании костями мамонта, аналогичной сооружению в Европе и Восточной Сибири. На Томской стоянке выявлены слабые следы костров [8, с. 72]. И лишь на одной, наиболее полно и тщательно исследованной верхнепалеолитической стоянке Западной Сибири — Черноозерской II — открыт достаточно полный комплекс археологических объектов. Здесь, в культурном слое площадью около 2000 м² выявлены три горизонта с остатками 22 очагов, нескольких мест камнеобработки и иной производственной деятельности, ямок различных форм и размеров, а также со следами как минимум одного бесспорного жилища.

Черноозерские очаги разнотипны. До нас они дошли в виде округлых слабоуглубленных прокаленных и черных углистых

линз толщиной 10—16 см, а также аморфных прокалов малой мощности. Как показали наблюдения и анализы, очаги топились костями животных. Стационарные очаги, как полагает В. Т. Петрин, связаны с двумя группами жилищ: с такими, где сосредоточены бытовые и производственные остатки, либо только бытовые. Временные очаги (кострища) располагались на территории стоянки в относительном беспорядке и, по-видимому, за пределами жилых построек. Также в стороне от жилищ и костров находились места камнеобработки («точки»), разделки туш и обработки шкур животных, отмеченные особым составом каменного инвентаря и отходов камнеобрабатывающего производства, а также скопления ямок. Последние, возможно, являлись следами столбов и жердей построек. Жилища стоянки наземные, по-видимому, в большинстве случаев неуглубленные. Только у одной постройки отмечен мелкий котлован (2,5×3,9 м). В плане он подпрямоугольный, со скругленными углами. Ориентирован почти меридионально — под углом к краю коренной террасы Иртыша. В центре помещения находился стационарный очаг, по краям которого сохранились небольшие ямки, связанные с конструкцией очага или каркаса жилища. В целом памятник представлял собой остатки нескольких сосредоточенных в одном месте разновременных сезонных стоянок. Люди приходили сюда, скорее всего, осенью и, возможно, оставались здесь до весны. Основная их деятельность была связана с охотничьим промыслом, переработкой продуктов охоты и изготовлением орудий труда. Подсобным промыслом была ловля рыбы [8, с. 35—65; 13, с. 6—62].

Изменение климата в сторону потепления в конце позднего палеолита привело к трансформации традиционных типов поселений и жилищ также на востоке и юге Сибири. Долговременные поселения со стационарными жилищами сменились здесь временными охотничьими лагерями с наземными постройками типа шатров или чумов [13, с. 61—62], от которых до нас дошли довольно тонкие прерывистые культурные слои, иногда подразделяющиеся на горизонты, а также «рабочие площадки» — места изготовления каменных орудий, ямки от столбов и скопления костей. Вся совокупность памятников финального палеолита Западной Сибири и сопредельных территорий проявляет удивительное сходство с мадленскими стоянками Франции и фиксирует «...сезонный цикл перемещения группы по осваиваемой территории, наличие серии разнофункциональных стоянок, «пульсирующий» характер концентрации рассредоточения людей. Облик культурных слоев сибирских позднепалеолитических стоянок свидетельствует об относительной кратковременности их обитания. Соответственно в исследуемых нами памятниках следует видеть лишь осколки, фрагменты сложной системы взаимодействия древнего общества и природной среды» [20, с. 9].

Пока трудно установить, обладали ли первые обитатели Урала и Западной Сибири к моменту заселения этих регионов какими-либо устойчивыми традициями сооружения жилищ, либо имели в области домостроительства весьма смутные представления. Сейчас лишь можно констатировать, что даже самый беглый взгляд на места обитания древнейшего уральского и западносибирского населения показывает существенное отличие стоянок этих регионов¹ от стационарных мустьерских и верхнепалеолитических поселений Молдовы, Украины, юга России и Восточной Сибири. Последним, как известно, были присущи большие вытянутые и малые круговые постройки каркасного типа, в Европе обычно наземные, в Сибири — углубленные, обтянутые шкурами животных и укрепленные в обоих случаях в основании многочисленными костями, камнями, изредка земляной обваловкой [21, с. 236—267, рис. 368—416].

Достаточно существенные сдвиги в домостроительстве происходят в эпоху мезолита (VIII—VI тыс. до н.э.), переход к которой ознаменован кардинальными изменениями климата, ландшафта, животного и растительного мира и как следствие — системы жизнедеятельности древних обществ. Количество поселений, открытых в Западной Сибири, невелико. Неизмеримо большее число памятников этого времени тяготеет к восточному склону Урала. Потепление климата, связанное с ним таяние ледникового покрова, исчезновение пресноводного озера-моря и постепенное формирование современной гидросистемы благоприятствовали освоению человеком западносибирских пространств. В это время появляются первые поселения в бассейне Конды и фиксируются редкие стоянки в западносибирской лесостепи — от Урала до Енисея. Между тем, сохранявшиеся и возникавшие новые водные преграды, по всей вероятности, значительно сдерживали этот процесс. По крайней мере, на данный момент мы можем предполагать, что незаселенными или практически неосвоенными оставались большие районы центральной и северной частей Западно-Сибирской низменности. Географическая локализация мезолитических памятников была прежде всего связана с сырьевыми источниками, местами охоты [18, с. 8—9] и рыбной ловли. Последнее особенно характерно для бассейна Конды.

В Среднем и Северном Зауралье, где выявлено около восьми десятков мезолитических памятников, входящих в среднезауральскую культуру [10, 69, 80], наблюдается дифференциация поселений по основному типу хозяйственной деятельности их жителей. Последнее обусловлено закономерным процессом перехода от постоянной загонной охоты на крупных стадных

¹ Пожалуй, за исключением очень спорного случая со стоянкой Волчья Грива [8, с. 72].

животных к индивидуальному промыслу более мелкого зверя и птицы, а затем — к рыболовству и собирательству. Ранние мезолитические стоянки Зауралья отличаются небольшими размерами и отсутствием долговременных жилищ, что характерно для лагерей охотников с подвижным образом жизни. В позднем мезолите появляются многочисленные стоянки по берегам озер с характерным рыболовческим инвентарем. На тех же памятниках встречаются отходы камнеобработки, изделия из кости и дерева. Известна единственная пока в Среднем Зауралье мезолитическая мастерская по первичному расщеплению камня на южном склоне горы Голый Камень, обслуживавшая, по мнению Ю. Б. Серикова, три крупных поселения, расположенных у трех близлежащих озер. На существование наземных жилищ на сезонных мезолитических стоянках указывают очаги, в том числе с каменной обкладкой по периметру (Уральские Зори I, Гаревая II), а также скопления каменного инвентаря, оконтуренные крупными и средними по размерам камнями (Уральские Зори XI) или столбовыми ямками (Уральские Зори I). Кроме того, грунт в пределах построек имел пылевидную структуру, а выступавшие камни были сглажены. Размер одного из таких жилищ $6 \times 3,5$ м [22, с. 140—142].

Столь же разнообразны мезолитические жилища Кондинской низменности². Среди них выделяются наземные неуглубленные постройки, прослеженные только по скоплению находок (Сатыга XVI, Ленино III и др.), наземные со слабоуглубленной (на 10—30 см) овальной или подпрямоугольной в плане центральной частью (Леуши III, XIV), однокамерные полуземлянки с подпрямоугольными и округлыми котлованами глубиной до 70 см (Леуши IX). Каркасами углубленных жилищ, судя по ямкам от столбов, служили опоры, установленные по периметру и центральной оси котлована. У полуземлянок по углам прослеживались ниши. Площади полностью вскрытых построек варьировали от 26 до 45 м². Наибольшей сложностью отличалось жилище, раскопанное на поселении Геологическое III. Оно состояло из двух котлованов (малого подквадратного и большого прямоугольного), соединенных переходом длиной около 1,5 м. Площадь котлованов — 30 и 50 м², глубина — 50 и 70 см соответственно. Опорой стен и перекрытия служили многочисленные столбы, вкопанные наподобие частокола в канавку по периметру котлована (сохранилось около 70 ямок) и группами внутри жилых камер (около 300 столбов). Пол помещения, как предполагает Е. М. Беспрозванный, был деревянным, остов крыши — из жердей. От них на дне котлованов сохранились углистые слои, ниже которых

² Авторы глубоко признательны Е. М. Беспрозванному за возможность использования материалов его исследований. Некоторые из них опубликованы [24].

залегали пятна охры. По углам и вдоль стенок котлованов выкопаны ниши. В центре большого помещения располагались квадратные хозяйственные ямы и овальный (4 м) очаг. Вход в жилище имел вид коридора, пристроенного к середине длинной стены той же камеры, напротив перехода в малое помещение. Судя по общему облику жилищ и составу находок, мезолитические поселения Конды представляли собой сезонные селища и кратковременные стоянки рыболовов и охотников тайги.

Очень слабой аналогией однокамерным кондинским углубленным постройкам являются полуземлянки с небольшими подпрямоугольными котлованами, открытые на мезолитических поселениях Баринка I и II в междуречье Камы и Вятки [85, с. 130—138].

На самых северных мезолитических стоянках Западной Сибири — Корчаки I в районе Салехарда [81, с. 141] и Пяку-то IV на оз. Пяку-то в верховьях Пура (разведка А. А. Погодина 1991 г.) — жилых объектов не обнаружено. Выявленные мезолитические памятники западносибирской лесостепи, входящие наряду со стоянками Урала и Казахстана в состав единой микролитической зоны [25, с. 127; 84, с. 4], пока немногочисленны. Основная их масса открыта в Тоболо-Иртышском междуречье (18) [25]. От Иртыша до Алтая и Ачинско-Мариинской лесостепи их известно только девять [18, с. 9; 81, с. 141—143; 82; 83, с. 36—46; 84, с. 5]. Единственное жилище, раскопанное на стоянке Убаган III в Притоболье, наземное с сильно утоптанном полом [25, с. 108—110]. Котлован постройки неглубокий (0,2 м), подпрямоугольный, со скругленными углами. В различных его частях имеются подпрямоугольные выступы, два из которых исследователи памятника интерпретируют как коридорообразные входы, направленные к реке или параллельно ей. Рядом с одним из выходов в котловане располагался грушевидный в плане очаг, заполненный мелкими кальцинированными косточками. В пределах углубленной и наземной частей жилища открыты хозяйственные (13 шт.) и столбовые (59 шт.) ямки. Строгой закономерности в их расположении не наблюдается, однако большинство углублений концентрируется в центре и близ краев помещения, что указывает на типичную для лесостепных районов каркасно-столбовую конструкцию постройки.

Значительные изменения в количестве и характере поселений и домостроительстве происходят в неолитическую эпоху (V — начало III тыс. до н. э.). На фоне влажного, теплоумеренного атлантического периода [26, табл. 1] стабилизируются речные системы. Древним населением осваиваются практически все природные зоны Западной Сибири, включая Приполярье с довольно суровым климатом. Вместе с тем и начало освоения, и степень заселенности различных областей Зауралья

и Западной Сибири были неодинаковыми. Наиболее многочисленными, выразительными и ранними неолитическими памятниками сосредоточены в Зауралье и западной части Западной Сибири, включая Сургутское Приобье. К востоку от Тобола, на западносибирской равнине, ранне-неолитические поселения единичны. В Томско-Нарымском Приобье углубленные жилища полуземляночного типа появляются, по-видимому, только в конце неолита [27—29], хотя район был освоен еще в конце палеолита и посещался в мезолите³. В Барабе, Новосибирском Приобье и Обь-Чулымском междуречье открыты стоянки с тонкими культурными слоями без следов углубленных построек, относящиеся к среднему и позднему неолиту [43, с. 22; 44, с. 51—52; 46, с. 24—25, 40, 42, 69, 129—132]. На Ишиме и Среднем Иртыше древнейшие памятники неолита появляются, по-видимому, вследствие миграции групп с керамикой кошкинско-боборыкинского типа из лесостепного Притобья [54, с. 34]. И лишь на рубеже неолита-энеолита на Иртыше и Ишиме формируется местная екатерининская культура со своеобразной керамикой и характерными типами стационарных полуземлянок [51]. Вместе с тем в это же время в Среднем Прииртышье, как и в Зауралье, наблюдается приток нового южного населения [30, с. 62; 86, с. 24] и усиливаются элементы кельтеминарского влияния [51, с. 7—8]. Распространение в среднем и позднем неолите на Конде, в Сургутском и Нижнем Приобье стационарных поселений с керамикой кошкинского и боборыкинского типов свидетельствует о заселении этих районов не только потомками древнего мезолитического населения Западной Сибири, но и выходцами из лесостепного Зауралья и более южных районов. Несколько позднее, в конце неолита — начале энеолита, в Нижнее Приобье проникают мигранты из Томско-Нарымского Приобья. В своей основе эти предположения совпадают с гипотезой Е. А. Васильева о двух миграциях неолитического населения в Нижнее Приобье [72, с. 13], хотя мы настаиваем на относительной одновременности начала обоих переселений.

Наряду с довольно активными миграционными процессами наблюдается постепенное закрепление отдельных общин и племен на конкретных территориях. С эпохи неолита мы можем говорить о возникновении в Зауралье и Западной Сибири первых этнокультурных общностей или отдельных культур. С этой же эпохой принято связывать «...начало формирования субстрата ряда современных уральских народов финно-угорской языковой семьи...» [30, с. 3], сложившейся, по-видимому, еще в мезолите [31, с. 13], и разделение финно-угорской общ-

³ На многослойном поселении Тух-Эмтор IV, в Васюганье, найден обработанный рукой человека кусок дерева, датированный по радиоуглероду в 8300 лет [27, с. 62—63].

ности, что отразилось в различии двух этнокультурных областей неолита по обеим сторонам Уральского хребта. «Волго-Камскую область следует считать пермско-финской, восточно-уральскую — угорско-самодийской» [32, с. 106].

О росте населения и переходе все большего числа коллективов к оседлому образу жизни в эту эпоху свидетельствует появление наряду с одиночными большими жилищами поселков, состоящих из нескольких, а порой до двух десятков стационарных построек.

Вероятно, в неолите впервые намечается у местного населения специализация в формах хозяйственной деятельности в зависимости от природно-климатических зон, получившая развитие в последующие эпохи. На побережье Ледовитого океана основным занятием людей становится морская охота. На Северном Урале и в северо-таежных областях Западной Сибири население занимается охотой на лося, отчасти рыболовством и первоначально ведет относительно подвижный образ жизни. В дальнейшем в Нижнем и Среднем Приобье, как и в Зауралье и южной части Западно-Сибирской низменности, распространяется комплексное присваивающее хозяйство со специфическим полуседлым обитанием на ограниченной территории — с сезонными миграциями. Это предусматривало долговременное проживание в стационарных поселках около мест рыбной ловли, сочетавшееся с периодическими откочевками для охоты на лесного зверя [33, с. 61—62]. Со временем на большей части территорий роль рыболовства возрастает, и оно превращается в самую перспективную отрасль первобытной присваивающей экономики.

Безусловно, все это не могло не отразиться на типах поселений и жилищ. В эпоху неолита окончательно формируются два типа поселков: базовых (стационарных) и временных (сезонных, промысловых). Достаточно часто эта типология совпадает с подразделением поселений на зимние и летние. Наиболее распространенной разновидностью постройки в это время становится большая и средних размеров полуземлянка с глубоким прямоугольным котлованом, наклонным тамбуром-входом и достаточно сложным бревенчато-столбовым каркасом. Происхождение этого типа жилищ, как и появление первых укрепленных поселений (Амня I [34]), нельзя безоговорочно связывать только с аборигенами края. По всей видимости, здесь имели место более сложные процессы, чем обычное приспособление к новой природно-климатической обстановке, в том числе явления, связанные с частичной сменой культурных традиций, вызванной притоком нового (южного) населения.

В энеолите этот приток продолжается, но одновременно прослеживаются локальные встречные миграции. В частности, в Среднем Приобье появляется андреевская группа памятников, оставленная мигрантами из Северного Урала или При-

уралья [30, с. 62]. В III тыс. до н.э. в условиях довольно влажного и прохладного климата (начало суббореала) происходят определенные изменения в хозяйстве древнего населения Зауралья и Западной Сибири и, соответственно, в типах и топографии их поселений. В меньшей степени это прослеживалось в зоне северной тайги, в большей — в южнотаежных и степных районах. Одна из причин этого различия — углубляющееся расхождение в темпах развития первобытных обществ, проживающих в различной природно-климатической обстановке: замедленных на севере и более активных на юге. С этой точки зрения не случайна и вполне приемлема датировка северотаежного западносибирского энеолита серединой III — началом II тыс. до н.э. [35, с. 57]. Этот период приходится уже на иную климатическую обстановку — начало среднебореального термического максимума, характеризовавшегося постепенным потеплением и понижением уровня вод в реках и озерах [26, табл. 1; с. 150—151].

В энеолите значительное число поселений перемещается на высокие места. Обживаются мелкие и крупные водоемы, в том числе многочисленные озера, протоки и ручьи. Количество памятников в это время резко возрастает, особенно в Зауралье, Приоболье, отчасти — в Нижнем и Среднем Приобье, как нам представляется, за счет менее стационарных типов поселков. Преобладают небольшие стоянки с очень тонкими и бедными культурными слоями по берегам озер, рек и в устьях ручьев. На озерах границы их трудно уловимы. Часто от таких поселений сохраняются только единичные обломки керамической посуды и отходы камнеобработки. Большую часть этих мест принято связывать с кратковременными или сезонными стоянками рыболовов. Долговременные стационарные поселения сохраняются, но претерпевают изменения их архитектура. Большие неолитические землянки и полуземлянки с глубокими и правильными четырехугольными котлованами постепенно сменяются менее углубленными жилищами с котлованами различных форм, крупными наземными жилищами с обваловкой и дренажными канавами-рвами, а также многочисленными малыми и средними по размерам постройками с легким каркасом из жердей. Некоторое время прямоугольные полуземлянки глубиной более 80 см сохраняются главным образом в северотаежном Приобье [35, с. 41—42, 61; 37, с. 4—5; 38, с. 195]. В ряде случаев энеолитические полуземлянки сооружаются в котлованах ранее заброшенных неолитических жилищ. Как и в предыдущие эпохи, в летних сезонных и стационарных поселках за пределами жилищ встречаются различные производственные и хозяйственно-бытовые комплексы, остатками которых являются очаги, хозяйственные ямы и столбовые ямки от легких навесов.

В начале бронзового века наблюдаются возрождение ста-

рых и появление новых традиций в домостроительстве. В связи с прогрессирующим потеплением и усыханием климата степные скотоводческо-земледельческие племена переселяются в западносибирскую лесостепь. В эпоху бронзы осваиваются междуречья. Поселки, как правило, перемещаются в достаточно низкие места. Растут размеры селищ и увеличивается количество жилищ в них. Распространяются новые типы фортификаций, наземных и углубленных построек. В лесостепном Приобье появляются поселки с кольцевой (по овалу, кругу) расстановкой жилищ (Ташково II, ЮАО IX-X и др.), что предполагает воздействие южных градостроительных традиций и является отражением новых социальных структур. В периоды развития и поздней бронзы под прямым и опосредованным влиянием андроновского населения урало-казахстанских степей в Западной Сибири возникают селища и городища, на которых жилища строятся рядами и «улицами». Получает дальнейшее развитие тип большой прямоугольной полуземлянки с бревенчато-столбовым каркасом. Многочисленные обширные позднебронзовые поселки скотоводов южной тайги и лесостепи фиксируют состояние прочной оседлости, характерное для относительно небольшого периода стабилизации климата перед наступлением нового плювиала. Новое похолодание и увлажнение, в начале I тыс. до н. э., в итоге стало причиной массовой миграции охотничье-рыболовческих племен в западносибирскую лесостепь. Это вызвало новую волну оборонительного строительства на рубеже бронзового и железного веков и способствовало симбиозу северных и южных домостроительных традиций, что нашло отражение в многообразии типов жилых сооружений.

На протяжении всех периодов камня и бронзы постройки оставались функционально не дифференцированными. На рубеже бронзового и железного веков или только в начале эпохи железа наряду с жилыми сооружениями возникают специализированные хозяйственные и производственные помещения (мастерские, хранилища пищевых запасов, постройки для скота).

В домостроительстве Западной Сибири и Зауралья, в меньшей степени в неолите и энеолите, в большей — бронзовом и начале железного веков прослеживаются две провинции: лесостепная (с подзоной южной тайги) и таежная.

Лесостепная провинция и подзона южной тайги. Эпохи неолита и энеолита характеризуются наличием двух разновидностей поселений — стационарных зимних и временных (сезонных) летних, а также связанных с ними двух видов жилищ. Для летних поселений характерны легкие наземные постройки, часто с небольшим искусственным или естественным углублением в центре; для зимних — подпрямоугольные полуземлянки площадью от 12—20 до 77 м² (в отдельных случаях — до 230 м²).

В раннем неолите в лесостепном Притоболье и лесном Зауралье, представленными двумя линиями развития культур — местной (козловской) и пришлой (кошкинской), — были распространены поселки площадью от 300 до 600 м² с компактно расположенными жилищами. Дома утепленные стационарные нескольких разновидностей. Наземные слабоуглубленные каркасно-столбовой конструкции с канавками и ямками по периметру подпрямоугольных котлованов. Полуземлянки с подпрямоугольными котлованами и длинными коридорообразными ступенчатыми входами. Известны также две четырехугольные землянки с котлованами глубиной 1,6—1,7 м и длинными коридорообразными входами (Ташково III, Исток IV). Стены землянок и глубоких полуземлянок, по всей вероятности, укреплялись жердями, на что указывают канавки по периметру помещения и правильные формы котлованов. Углубленные части в постройках обычно занимали центр помещения, а возвышенные участки вдоль краев котлованов, возможно, использовались как нары. Особенно отчетливо это прослеживалось на поселении Исток IV, где верхняя подквадратная часть имела площадь 140 м², а нижняя — подпрямоугольная — 70 м². Все постройки, за исключением одной (ЮАО V, жилище 7), однокамерные, т.е. с одним котлованом, площадью от 37 до 70 м². В то же время на поселении Исток IV отдельные котлованы (постройки) были соединены с другими коридорообразными переходами. Кроме того, в некоторых жилищах подпрямоугольная камера специальными перегородками делилась на четыре равные помещения (ЮАО IX, жилище 1). Каркасы стационарных построек, по-видимому, были разнообразными, но чаще всего стены жилища образовывали горизонтально уложенные друг на друга бревна, укрепленные вертикально вкопанными столбами. Перекрытия опирались частично на стены, частично — на столбы, установленные в центре помещения. У отдельных жилищ, судя по расстановке столбов, предполагается двухскатное перекрытие (ЮАО IX), у других — одно- или четырехскатное. В позднем неолите приемы домостроительства продолжают развиваться, но как будто уменьшаются площади жилищ, глубина котлованов углубленных построек, а форма котлованов становится более аморфной. Основным типом полуденковских и боборыкинских жилищ, наследовавших соответственно козловские и кошкинские, продолжает оставаться однокамерная подквадратная или подпрямоугольная полуземлянка, углубленная в грунт на 0,5—0,7 м, реже — на 0,8—1 м. Одновременно существуют и двухкамерные постройки (Юрынская стоянка). Котлованы поздне-неолитических жилищ имеют сильно скругленные углы, что приближает углубленную часть помещения к овальной. Площади построек варьируют от 25 до 65 м²; имеется также одно жилище площадью 105 м² (Юртобор 3). Размеры посел-

ков, по-видимому, не изменяются. Кроме долговременных селений, как в предыдущие, так и более поздние эпохи, существовали сезонные, или кратковременные, стоянки с легкими каркасными строениями, форма которых не всегда ясна [30, с. 17—54, 62; 39—46, 68]. Оригинальное жилище с керамикой преимущественно кошкинского и сосновоостровского типов открыто на поселении ЮАО V. Постройка 7 имела вытянутый трехкамерный котлован ($11,6 \times 4$ м) глубиной 1,6—1,8 м. Стенки котлована вертикальные, вероятно, крепившиеся деревом. Камеры подпрямоугольной и аморфной формы с выступающими нишами. Между камерами наблюдается сужение котлована. Из южной камеры наружу шел коридорообразный выход в соседнюю постройку [45, с. 167—171]. Наиболее близкие аналогии данной землянке можно найти на Хуторской стоянке развитого неолита в Среднем Прикамье [87].

Характерные детали интерьера неолитических построек Зауралья — земляные нары, очаги, хозяйственные ямы, в отдельных помещениях — дренажные канавки, боковые ниши, столы из грунта и камня.

О планиграфии поселений говорить трудно. Лишь в одном случае отмечено расположение жилищ рядами. При этом постройки раскопанного ряда стояли почти вплотную (в 1—3 м) выходами друг к другу (Исетское Правобережье, жилища 1—3). Однако исследователь памятника В. Ф. Кернер полагает, что, судя по керамике, дома были разновременные [43, с. 64, рис. 1]. Остальные поселения застраивались без четкой системы. Основное внимание, возможно, уделялось только ориентировке входов и достаточно плотной застройке выбранного участка.

Энеолитические стационарные жилища различных культур лесостепного и южнотаежного Притоболья (в отличие от большинства синхронных построек горно-лесного Зауралья) имеют достаточно выдержанные прямоугольные формы. Таковы немногочисленные пока раскопанные липчинские (Сосновый остров — верхнее жилище, Липчинская стоянка), шапкульские (Шапкуль I, Малый Барашек I, ЮАО VIII) и андреевские сооружения (ЮАО XII, раскоп 3) [47, с. 9, 12; 48, с. 62—63, 68; 49, с. 39—44]. Как правило, это однокамерные полуземлянки и наземные дома площадью от 15 до 77 м², углубленные в грунт от 0,25 до 0,7 м. Стенки котлованов андреевских и других построек, вероятно, укреплялись жердями и досками. Большая постройка ($7,9 \times 9$ м) поселения Шапкуль I внутренней перегородкой была разделена на две камеры: малую предвходовую и большую жилую [49, рис. 1]. Входы в притобольских постройках прослеживались в виде обычного проема в стене (Шапкуль I и др.) или коридора (ЮАО XII, раскоп 3). Исследователи не уточняют все типы наземных частей жилищ. В двух случаях, когда по периметрам котлованов отмечены

мощные углистые полосы и скопления древесного угля (Шапкуль I, ЮАО XII, раскоп 3) можно предполагать конструкцию с бревенчатыми стенами, дополненную опорными столбами, и, возможно, с односкатной кровлей.

Несколько иные в деталях, но в целом достаточно близкие однокамерные наземные дома продолжают сооружаться в Притоболье в начале эпохи бронзы ташковскими строителями. На стационарном поселении Ташково II основание стен каждого жилища было установлено в небольшой прямоугольный котлован площадью 30—57 м², глубиной от 0,2 до 0,4 м. Следов столбовых ямок при раскопках не обнаружено, что предполагает наличие особой (срубной?) конструкции с самонесущими стенами. Вход в жилище, вероятно, был в виде обычного проема в стене. Наряду с этими (достаточно оригинальными) домами продолжают возводиться стационарные жилые и временные (хозяйственные ?) постройки, где котлован занимал лишь основную часть помещения, а «запечки» по его краям использовались в качестве лежанок (ЮАО IX—X, Ук III и др.). Котлованы в таких домах подквадратные, подпрямоугольные со скругленными углами и неправильной овальной формы. Площадь их варьирует от 12 до 120 м², глубина — от 0,3 до 0,4 м. Входы короткие коридорообразные либо в виде проема в стене. За пределами котлованов (реже — внутри них) встречаются ямы различных форм и размеров, в том числе от столбов. Это указывает на каркасно-столбовую конструкцию построек с наклонными (?) стенами. Вместе с тем не исключено, что у некоторых сооружений стены были вертикальными бревенчатыми. Форма перекрытия у построек обоих типов неясна.

Главное отличие ташковских поселков от более ранних неолитических и энеолитических — в правильной расстановке жилищ по кругу или овалу, что предполагает заранее продуманную планиграфию поселка (Ташково II, ЮАО IX—X, Заводуковское VIII, XIII). С начала эпохи бронзы до начала железа в Притоболье периодически строятся селища и укрепления с кольцевой расстановкой построек. Последнее, по всей вероятности, обусловлено тем, что население данного района включается в зону культурно-хозяйственных контактов или влияния южных скотоводческих и земледельческих обществ. В этой связи и в соответствии с усложнившейся социальной структурой общин лесостепное население Притоболья сооружает поселения по канонам южных цивилизаций. Одновременно наблюдается увеличение площади стационарных ташковских поселков — до 1000 м² и более [42, 50, с. 16—17, 47; 88, 89]. Вместе с тем пока трудно объяснить существование на протяжении достаточно значительного времени в Притоболье (несмотря на пестроту населения этого района) устойчивой и практически безальтернативной традиции строительства прямоугольных и подквадратных построек.

В лесостепном Приишимье в эпоху неолита сооружались однокамерные (Кокуй I, жилища II, III; Боровлянка 2; Ир II, Серебрянка I, позднее жилище и др.) и двухкамерные (Серебрянка I — раннее) полуземлянки с подпрямоугольными котлованами глубиной от 0,3 до 0,7 м, площадью 33—70 м². В стенах котлованов жилищ выкопаны подпрямоугольные ниши. У отдельных построек имелись коридорообразные выходы (Кокуй I, жилище III). Контуры жилищ, по-видимому, были больше, чем очертания котлованов. Перекрытие поддерживали вертикальные столбы, установленные вдоль стенок и близ центра котлована. В углубленной части помещения находились наземные и слабоуглубленные очаги, хозяйственные и столбовые ямы. Во всем ишимском домостроительстве отчетливо прослеживается западное (зауральское), отчасти восточное (прииртышское) влияние, причем первое было наиболее существенно, продолжительно и прослеживалось достаточно рано — с первой половины неолита. Это подтверждают материалы, найденные в жилищах. Означенные постройки содержали разнокультурную керамику — кошкинскую, боборыкинскую (в том числе двухкамерная полуземлянка), сосновоостровскую, а также кокуйскую и екатерининскую. Кроме стационарных построек, выявлена часть наземного неуглубленного строения с посудой екатерининского типа [52—54].

В лесостепных и южнотаежных районах Обь-Иртышья в конце неолита — энеолите выделяются два типа поселений: кратковременные стоянки с малой мощностью культурного слоя (иногда фиксируемые как небольшие комплексы екатерининской керамики [51, с. 4—6] на многослойных и однослойных памятниках) и долговременные поселки, размеры которых для нас пока не ясны. Екатерининские жилища двух типов — наземные и полуземляночные — и нескольких разновидностей: наземные однокамерные (как исключение — двухкамерные) с прямоугольными слабо углубленными котлованами площадью от 20 до 50 м², округлые или округло-прямоугольные наземные постройки и полуземлянки глубиной до 0,4—0,5 м (с одной или двумя камерами), площадью около 70 м², единично — до 200 м². Входы в жилища, где они прослежены, — в виде крытых тамбуров различной длины. Наземная часть построек каркасно-столбовая или бревенчато-столбовая (типа примитивных срубов) ⁴.

Жилище с энеолитической керамикой артынского типа, наследующей екатерининскую [51, с. 5], имело подпрямоугольный с сильно скругленными углами котлован (3,6×6,3 м). Основание постройки углублено в материк на 0,3—0,35 м. Вход слабо фиксировался с одной из узких сторон котлована в виде полуовального выступа [90, с. 18—21].

⁴ Выражаем благодарность А. И. Петрову за возможность использования неопубликованных материалов его исследований.

Памятники раннего металла Барабы с гребенчато-ямочной керамикой (Венгерово-3, Кыштовка-1 и др.) характеризуются наземными жилищами неустойчивой в плане формы, углубленными в грунт на 0,16—0,26 м. Площадь их колеблется от 19,5 до 48 м². В котлованах прослеживаются очаги, хозяйственные ямы и столбовые ямки. Памятники этого типа расположены сравнительно низко — на пойменных террасах, они возникли в достаточно засушливый период. Протяженность некоторых поселений достигает 150 м [28, с. 21, 133; 84]. В эпоху ранней бронзы они сменяются памятниками с керамикой типа Одино (Марково-2, Кама-2, Венгерово-1А; Каргат-6). Это главным образом сезонные стоянки. Жилища здесь наземные, округлые и овальные в плане (площадь от 32 до 52 м²), слабо углубленные в грунт. Входов визуально не прослеживается. Расстановка и наклон столбовых ямок, а также остатки сгоревших перекрытий показывают, что наземная часть постройки — усеченно-пирамидальная. Каркас жилища составляли центральные опорные столбы и наклонно поставленные тонкие жерди из деревьев лиственных пород. В помещениях располагались открытые очаги и хозяйственные ямы [55, 84].

На самом поселении Одино, расположенном в Среднем Приишимье, раскопана полуземлянка с подквадратным котлованом (8×8 м) глубиной 0,5 м. Вход в жилище короткий, наклонный, коридорообразный, обращенный в сторону реки. В помещении, у входа, находились две очажные ямы. Судя по расположению и диаметру столбов, крыша могла быть односкатной [56, с. 85—87]. Даже беглый взгляд на данные памятники Ишима и Барабы показывает, что здесь мы имеем две в корне различные традиции домостроительства. В Приишимье продолжается линия развития прямоугольных жилищ охотников и рыболовов неолита и энеолита Тоболо-Ишимской лесостепи. В Барабе каркасные слабоуглубленные постройки ранних скотоводов наследуют домостроительство местных племен гребенчато-ямочной керамики.

В Новосибирском Приобье посуда одиновского типа трансформируется в керамику крохалевского типа, в Барабе одиновские племена сменяются новыми — кротовскими [55, с. 74]. В Верхнем Приобье памятники крохалевского типа «...известны по раскопкам таких базовых поселений, как Усть-Алеус-7 и Крохалевка-4. При раскопках последнего удалось исследовать остатки 3 полуземлянок подчетыреугольной в плане формы» [28, с. 136], из которых полностью вскрытая имела площадь 15,6 м².

Кротовские поселения Среднего Прииртышья и Барабы представлены наземными и полуземляночными домами с одной или двумя камерами, в том числе с длинным ответвлением — коридором в соседние жилища либо с коротким и широким тамбуром. Котлованы углубленных сооружений подпрямо-

угольные и подквадратные (глубина — от 0,25 до 0,8 м) площадью от 16 до 192,5 м². У наземных построек грунт внутри помещений снимался на глубину не более 5 см. В целом жилища Барабы отличались более значительными размерами. Среднего Прииртышья — глубокими котлованами. Наземная часть кротовской стационарной постройки, по-видимому, имела усеченно-пирамидальную форму. Наклонные стены опирались на деревянную раму, крепившуюся на центральных опорных столбах, и в основании были присыпаны землей. Предполагается, что летние постройки имели овальные в плане плетеные стены, опиравшиеся на тонкие неглубоко вкопанные столбы. Размеры кротовских поселков ориентировочно укладываются в интервал: не менее 500 и немногим более 2000 м². Количество жилищ в них — от одного до десятка. Некоторые из поселений окружены оборонительными стенами (Черноозерье VI, Инберень X). Расположены поселения на коренных речных и озерных террасах, иногда достаточно далеко от воды. На кротовских поселениях, прежде всего ранних (Черноозерье VI, Саранин II и др.), встречается керамика логиновского типа; кроме того, в Среднем Прииртышье не известно однослойных логиновских памятников. Это дает основание некоторым исследователям полагать, что материалы Саранина II и Черноозерья VI можно рассматривать как единые культурно-хронологические комплексы. Вместе с тем анализ планиграфии Черноозерья VI и его материалов позволил Н. К. Стефановой разграничить периоды логиновского селища и более позднего кротовского городища [58—60; 61, с. 33—34; 62, с. 17—23].

Для Барнаульско-Бийского Приобья эпохи ранней бронзы обычны два типа поселений: летние и зимние. Первые располагались на берегах небольших заливов или мысах, имели небольшую площадь; мощность культурного слоя на них колебалась в пределах 0,4—0,5 м (Ляпустин Мыс, Коровья Пристань I, II, Озерки Восточные и др.). Вторые находились по берегам протоков, соединяющих озера, имели более мощный культурный слой (0,7—1 м) и более значительную площадь (Костенкова Избушка и др.). Только на одном елунинском памятнике с малой мощности культурным слоем (0,25 м) обнаружены остатки наземного овального в плане (4,75×3,4 м) жилища, слабо углубленного (0,15 м) в грунт (Боровое). В остальных случаях можно предполагать наличие наземных неуглубленных построек с легким каркасом. Отсутствие долговременных жилищ, видимо, следует связывать с более мягким климатом в эпоху ранней и развитой бронзы, который давал возможность проживать в легких наземных постройках и в зимнее время.

На границе лесной и южнотаежной зон в Новосибирском и Томском Приобье в доандроновскую эпоху у самусьского населения существовали постройки наземного и полуземляночного типов. Не исключено, что первые были летними, а вторые

зимними жилищами. Особенно интересны полужемлянки. Наиболее четко тип углубленного самусьского жилища реконструирован по материалам Крохалевки-1. Оно представляло собой постройку площадью 64 м² с четырехугольной рамой, укрепленной на опорных столбах, которые были установлены в центре котлована. На раму опирались наклонные стены. Все сооружение напоминало четырехгранную усеченную пирамиду. Однокамерные полужемлянки с округлыми котлованами площадью от 27 до 35 м² раскопаны на Самуси IV. Здесь же выявлена своеобразная разновидность многокамерного жилища длиной более 120 м. Она представляла собой единую систему из ряда аморфных очертаний котлованов, соединенных канавообразными переходами⁵. Наземные неуглубленные постройки того же поселения, по-видимому, имели площадь, близкую к однокамерным полужемлянкам, т. е. около 30—40 м². В районах Васюганья жилища рубежа неолита-бронзы имели подпрямоугольную форму. Площадь их — от 20—24 до 35—40 м², глубина котлованов — от 0,2 до 0,7 м. Вход в жилища длинный коридорообразный. Основания опорных столбов укреплены обломками камней и керамики. Постройки имели каркасно-столбовую конструкцию с одно- или двухскатной кровлей.

В эпоху ранней бронзы в тех же районах, занятых населением степановской культуры, существовали два вида поселений: летние и зимние [27, с. 28; 29, 63]. Летние находились в устьях или истоках небольших рек, по берегам озер, на открытых полосах или небольших гривах. Зимние — в лесу на возвышенности, незатапливаемых местах. Летние жилища прямоугольной или квадратной формы наземного типа с вертикальными стенами и углубленным до плотного подстилающего грунта полом. Конструкция построек каркасно-столбовая, с одно- или двухскатной крышей, которая перекрывалась берестой или кусками дерна. Площадь сооружений колебалась от 13—15 до 25, реже до 35—40 м². Зимние жилища представляли собой сооружения полужемляночного типа, углубленные в материк на 50 см. Котлованы их подпрямоугольные, площадь — от 20—25 до 40—45 м². Входы длинные крытые ступенчатые. Стенки котлованов укреплялись плахами и жердями. Наземная часть такая же, как и у летних построек — каркасно-столбовая. Оба эти типа жилищ просуществовали до финальной бронзы. Правда, со временем они приобрели более четкую ориентацию (по оси З — В или СВ — ЮЗ, с выходом на запад) и несколько большие размеры. В зимних постройках со временем стали выкапывать дренажные канавки и удлинять кры-

⁵ Имеется мнение, что к этому гигантскому жилищному комплексу ошибочно отнесены два разновременные горизонта с двухкамерными постройками, создавшие иллюзию единой системы [57, с. 273].

тые коридорообразные входы. В эпоху развитой бронзы в Васюганье строились жилища площадью около 100 м². Постройки устанавливались рядами, как правило, вдоль края водоема.

Для культур андроновской общности эпохи развитой (средней) бронзы обширной зоны западносибирской лесостепи — от Тобола до Верхнего Приобья — характерны два варианта поселений: зимние и летние. Для зимних обычно прямоугольные и подквадратные полуземлянки и землянки площадью от 50 до 100 м² со столбовым каркасом. Для летних — стоянки с малой мощностью культурного слоя без видимых следов стационарных сооружений или с легкими каркасными слабоуглубленными (0,15—0,35 м) постройками площадью 22—34 м².

Достаточно близки им (но несколько более разнообразны) поселения и жилища андроновидных культур эпохи поздней бронзы (XIV—XI вв. до н.э.) — черкасульские, пахомовские, южные сузгунские, еловские, а также селища и жилища корчажкинской культуры. Жилые и хозяйственные сооружения этих культур, как правило, однокамерные, полуземляночные. Котлованы построек подквадратные, реже — прямоугольные, площадью от 30 до 126 м², глубиной от 0,3 до 0,8 м. У ряда жилищ фиксируются коридорообразные входы длиной от 1,5 до 2,5 м, шириной 1—1,2 м. У корчажкинских построек они начинаются с небольшого расширения.

Заключительный (финальный) этап бронзового века характеризуется дальнейшим развитием традиций предшествующих эпох и наивысшим расцветом приемов домостроительства в культурах межовско-ирменской общности. Определенную преемственность можно проследить с предшествующими андроновскими культурами Казахстана и Западной Сибири. Очень часто поселения поздней и финальной бронзы располагались в тех же местах, что и андроновские. Жилища строились рядами, получались своеобразные улицы. Общими для всех лесостепных культур эпохи поздней бронзы являются усеченно-пирамидальные каркасно-столбовые и бревенчато-столбовые конструкции, прямоугольные отчетливо выраженные котлованы различной глубины, обшивавшиеся плахами или укрепленные плетнем, коридорообразные выходы и глинобитные очаги. Специфическая черта ирменских поселков — мощные зольники, прослеживавшиеся еще в андроновское время, а также неоднократные перепланировки и ремонты жилищ. Небольшие зольники выявлены в некоторых межовских и бархатовских поселках. С запада на восток в лесостепной зоне наблюдается некоторое увеличение площадей построек, котлованы приобретают более правильную прямоугольную форму. В районах Среднего Приобья в это время расположение жилищ кольцевое или достаточно свободное без видимой системы. Для Южного Урала, Прииртышья и лесостепного Приобья обычно расположение построек рядами или «улицами». В последнем

районе наряду с жилищами строились и нежилые постройки, предназначенные, видимо, для содержания скота.

Таежная провинция. В энеолите и начале бронзового века в горно-лесном Зауралье населением липчинской, аятской и коптяковской культур сооружаются постройки нескольких типов и разновидностей. Округлые наземные без углубления в грунт и с легким каркасом, площадь — около 30 м². Наземные — со слабо углубленными овальными (44—47 м²) и подпрямоугольными (11—29 м²) котлованами, в которые вели наклонные коридорообразные входы. Овальные и круглые полуземлянки с котлованами глубиной 0,4—0,65 м, площадью от 11 до 44 м². Постройки делятся на временные (летние, сезонные) и постоянные (зимние). Первые, как правило, наземные, меньших размеров (до 30 м²) и легких каркасных конструкций. Котлованы построек выкопаны на наклонной поверхности, в плотном суглинке и скальных грунтах, отчего основания их достаточно неровные. У некоторых жилищ полы были вымощены плахами [64, табл. 2]. Наземные части стационарных построек, вероятно, каркасно-столбовой конструкции. Судя по ямкам, опоры стояли по краям котлованов и в центре жилищ. При этом особенно мощные столбы ставились ближе к центру помещения и у выхода. На столбы опирался каркас из жердей, который покрывался шкурами животных, ветками и берестой. Основания столбов, вероятно, укреплялись камнями. На Аятском II поселении котлованы пяти жилищ были выстроены по дуге и стояли почти вплотную друг к другу, шестой котлован находился внутри дуги. Создается впечатление, что они были соединены переходами [64, рис. 3]. Однако отсутствие стратиграфических наблюдений не позволяет установить, была ли это сложная конструкция из нескольких камер или серия разновременных одноочажных жилищ.

Жилища эпох развитой и поздней бронзы горно-лесного Зауралья практически не исследовались. Пока их раскопано только три: два черкаскульских и одно бархатовское. Они располагались на низких террасах, на высоте от 2 до 3 м от уровня воды в водоеме. Черкаскульское жилище поселения Липовая Курья реконструируется как углубленная (примерно на треть) шатровая полуземлянка. Ее прямоугольный котлован площадью 22,5 м², выкопанный в скальном грунте, рухляке и песке, имел стены средней высоты (до 0,68 м), укрепленные камнями, плетнем и жердями. Облицовку котлована местами подпирали небольшие столбики. Наземная часть постройки имела вид усеченной пирамиды. Каркас жилища опирался на четыре столба, вкопанные в центре котлована. У жилища наклонный коридорообразный вход. Рядом с входом в стенке котлована выкопана апсидообразная ниша, в которой располагался очаг; у западной стенки находились нары [95, с. 12, 46, рис. 2]. Черкаскульское жилище поселения Лужки имело

неглубокий (0,4 м) подпрямоугольный котлован длиной 16 м, шириной не менее 9 м (восточная часть его недокопана). Вход постройки узкий коридорообразный, ориентирован в сторону реки. Рядом с ним в стенке котлована выкопана подпрямоугольная ниша (1,6—1,8×1,5 м). В центральной (жилой) части постройки располагался большой (6,2×5,2 м) слабоуглубленный очаг, в плане напоминающий букву Т. С севера к костру примыкала подквадратная (6,2×5,6 м) площадка, оконтуренная узкими канавками, в центре которой находилась обожженная куча глины. В котловане и рядом с ним расчищено 93 ямки от столбов, основная масса которых была сосредоточена по краям и в центре котлована, что указывает на каркасно-столбовую конструкцию жилища. Кроме того, в заполнении котлована найдены обугленные обломки жердей, вероятно, от перекрытия постройки [100, с. 54—57]. По многим признакам жилище достаточно сходно с ирменскими сооружениями. В 1988—1989 гг. С. Н. Паниной исследована бархатовская постройка на поселении Палатки II в верховьях Исети. Жилище имело небольшой подквадратный котлован без четко выраженного входа. Вдоль северной стенки котлована залежали остатки сгоревшего настила пола или нар. В жилище имелся очаг, облицованный гранитными плитками.

В таежных районах бассейна Конды, Нижнего и Сургутского Приобья в раннем и позднем неолите встречались поселения, состоящие из нескольких стационарных жилищ, а в отдельных случаях — из одного-двух десятков построек. Выделяются разновидности малых, средних и больших по площади полуземлянок и землянок (соответственно 12—27,6; 31—50; 100—230 м²) глубиной от 0,4 до 2,3 м. Котлованы их правильные прямоугольные и подквадратные, с наклонными коридорообразными входами, расположенными в углу или посередине одной из стен. Хорошая сохранность котлованов в песчаном грунте обусловлена наличием специальной обшивки стенок из прутьев, жердей или тонких колотых плах. Наземные части, по-видимому, были сходные — усеченно-пирамидальной формы. Опорой перекрытия (или наклонных стен) служили мощные столбы в центре и иногда по периметру котлована, державшие четырехугольную деревянную раму. Площадь постройки не ограничивалась углубленной частью. Основание перекрытия (или стен) было удалено от краев котлована приблизительно на 1—2 м. В ряде случаев на этом пространстве, которое иногда интерпретируют как нары, прослеживались пятна охры, углистой супеси и бытовые остатки (Чес-тый-яг, Барсова гора II/8 и др.). Многие жилища имели пол, посыпанный охрой, некоторые — деревянный настил [38, 65, 66, 68—71]. Е. А. Васильев считает появление больших глубоких полуземлянок с полами и нарами, покрытыми охрой, следствием далекой миграции населения с юга [70, с. 41].

В энеолите в северотаежном Приобье сохраняются те же прямоугольные полуземлянки с коридорообразным входом и подсыпкой охры на полу. Вместе с тем, судя по немногочисленным раскопанным объектам, у ряда сургутских построек котлованы меньше (от 11 до 40 м²) и мельче (от 30 до 80 см), а их форма — более аморфна. Большие и глубокие полуземлянки, по имеющимся данным, сохраняются только в Нижнем Приобье (гор. Амня I — поздний слой, пос. Амня II, Каксинская гора III, Сартынья I, жилище 1). Энеолитические сезонные стоянки рыболовов и охотничьи лагеря обычно состояли из трех некрупных построек; на базовых поселениях их число доходило до десятка и более. Одновременно в это время появляются стационарные поселения, состоящие из одного жилища площадью около 200 м². Это были подпрямоугольные в плане наземные строения с шатровым перекрытием, окруженные в основании валообразной песчаной подсыпкой и глубоким широким рвом. Неглубокие котлованы в таких жилищах не имели конструктивного значения, а являлись деталью интерьера. Они отделяли зону хозяйственно-бытовой деятельности, где располагались очаги, хозяйственные ямы, производственные места, от мест отдыха — возвышенных земляных лежанок. Как и более ранние жилища Чес-тый-яга, поселения-жилища типа Волвончи I (ранний горизонт) служили для проживания целой раннепервобытной общины таежных рыболовов и охотников, которой было под силу возведение таких грандиозных построек [34; 35; 37, с. 4—5; 38, с. 195; 96, 97].

В таежных районах Северного Зауралья, граничащих с Кондинским бассейном (р. Атымья), в энеолитическом и позднебронзовом периодах строились наземные жилища со слабо углубленными прямоугольными котлованами площадью от 16 до 56 м². На дне котлованов, как и в более северных районах, встречалась подсыпка охры. В двух жилищах сохранились ямки от столбов, свидетельствующие о каркасно-столбовой конструкции наземной части. Входы, очевидно, двух типов — в виде обычных проемов в стене и, как исключение, — в виде коридоров [65, с. 44—60].

В периоды развитой (средней) и поздней бронзы (середина II — начало I тыс. до н. э.) в северной тайге продолжают строиться наземные подпрямоугольные в плане дома общей площадью от 200 до 300 м², окруженные валом и рвом (Волвонча I — поздний горизонт, Пашкин Бор I, Малоатлымское, Олымья 4, 6, 8, Денисово и др.). В Сургутском Приобье такие постройки не имели рвов (Барсова Гора, объект 107). Кроме них, в тайге сооружались меньших размеров наземные и полуземляночные жилища подпрямоугольной, овальной и круглой в плане формы. Котлованы углубленных построек к концу бронзового века выкапывались на глубину не более 0,4 м и являлись только деталью интерьера. Наземные части жилищ

каркасно-столбовые, у летних построек — легкие каркасные. У отдельных больших домов стены могли быть бревенчатыми, а перекрытие односкатным. Основание стен наземных жилищ часто укреплялось песчаной обваловкой, по периметру которой выпапывалась серия дренажных овальных ям либо узких канавок. В ряде случаев в Сургутском Приобье, кроме жилых помещений, начинают возводиться небольшие хозяйственные постройки. Это легкие каркасные строения наземного типа, иногда с неглубоким котлованом, без следов обваловки. Входы в жилища и хозяйственные постройки были в виде обычных дверных проемов, реже — коротких крытых коридоров. Данные поселения (как и более ранних периодов) подразделяются на долговременные базовые (зимние) и сезонные (летние), при этом часть стационарных селищ перемещается в глубь коренных террас. В теплое время года основная производственная деятельность протекала за пределами жилищ; на открытых площадках сооружались различные хозяйственные объекты — ямы, очаги, производственные места [66; 69; 91; 92, с. 115—121; 94; 98, с. 137—138; 99]. На рубеже бронзового и железного веков в таежных областях, как и в лесостепи, наблюдается всплеск фортификационного строительства.

В целом ранние поселения северотаежной зоны характеризуются сравнительно небольшими либо средними размерами, относительно бессистемной расстановкой построек и сходными полуземляночными жилищами. При выборе места поселка учитывались, прежде всего, близость к водоему, промысловым рыболовным местам и залежам камня, а также высота береговых террас. В северной тайге, где колебания водного режима рек и озер достаточно ощутимы, а болота, насыщенные гнусом, занимают значительные пространства, наиболее целесообразно было заселение кромок высоких хорошо продуваемых речных террас. Именно здесь находятся почти все известные памятники неолита и энеолита со стационарными жилищами. По-видимому, кроме долговременных базовых поселков, во все времена существовали сезонные и кратковременные стоянки и стойбища, функционировавшие главным образом в теплое время года. Однако они недостаточно четко прослеживаются в археологических материалах.

Основной тип ранней постройки — большая полуземлянка усеченно-пирамидальной формы со столбовым каркасом, глубоким правильной четырехугольной формы котлованом, занимавшим центр помещения и укрепленным специальной обшивкой, с коридорообразным наклонным входом. С эпохи мезолита прослеживаются двухкамерные полуземлянки, а также легкие каркасные однокамерные наземные строения со слабо углубленным в грунт котлованом. Последние, вероятно, представляли собой тип менее утепленного временного летнего жилища. В энеолите на Конде формируется своеобразный тип поселе-

ния, состоящего из одиночного большого подпрямоугольного наземного жилища со слабо углубленной центральной частью, построенного на изолированной возвышенности (холме, мыске), окруженной рвом. По всей видимости, он является продолжением линии развития больших полуземлянок типа Чес-тый-яга [93, с. 162—163]. В дальнейшем этот тип построек прослеживается в местных культурах эпох развитой и поздней бронзы (полымьятской, лозьвинской). На рубеже бронзового и железного веков такие дома перерастают в оригинальные бревенчато-глинобитные укрепленные поселения-жилища. С миграцией гамаюнских групп они распространяются в Зауралье [5, 6, 67, 93].

В эпоху бронзы в развитии построек северотаежной зоны наметились тенденции уменьшения глубин котлованов, увеличения разнообразия их форм и поднятия жилищ на поверхности. В развитом бронзовом веке практически исчезает традиция посылки пола жилища охрой. Исключение составляют, как нам известно, только некоторые сооружения атлымской культуры эпохи поздней бронзы. В конце бронзового века господствуют типы средних по размерам и малых наземных и полуземляночных строений со слабоуглубленным котлованом в центре. Каркасы построек столбовые и бревенчато-столбовые.

В целом постройки становятся более разнообразными и менее углубленными. Эти явления явно не локального, а общечеловеческого характера. Основными причинами таких изменений являются не только смена культурных традиций и постепенное приспособление населения тайги к природно-климатической обстановке данной зоны. Главное, на наш взгляд, заключается в закономерном усложнении хозяйственной деятельности человеческих коллективов при переходе от каменного века к бронзовому и общестадийному развитию домостроительной техники, позволившем создавать достаточно прочные и утепленные наземные виды жилых и производственных строений.

Для эпохи неолита мы не имеем четких следов перестройки жилищ или использования котлованов заброшенных землянок или полуземлянок, кроме случаев нахождения разновременной керамики в пределах одного помещения. Котлованы энеолитических и более поздних построек часто выкапывались в пределах углубленных частей ранее существовавших жилых сооружений. По-видимому, это объяснялось не только экономией трудозатрат, но какими-то более глубинными традициями обращения людей на старые пепелища своих предков, что прослеживалось в эпоху бронзы и у федоровского населения северо-казахстанской степи [73, с. 117].

Причинами кратковременного или окончательного оставления жилищ, надо полагать, были сезонная цикличность хозяйства аборигенов тайги, уход общины на другие территории

вследствие неблагоприятной экологической или социально-политической ситуации, перепланировка поселков как результат роста населения или изменения культурной традиции. Кроме того, у хантов, судя по данным этнографии, существовал обычай оставления жилища, заполненного остатками человеческой деятельности, и сооружения нового в другом месте. Перестройка жилища или хозяйственной постройки диктовалась необходимостью периодического ремонта его обветшавших частей, который проводился перед зимовкой, увеличения полезной площади помещения, восстановления сооружений, пострадавших в результате стихийных бедствий и войн, а также необходимостью возведения сложных хозяйственно-бытовых комплексов из нескольких построек, соединенных переходами.

Двумя важнейшими факторами различия северных и южных построек, на наш взгляд, являлись особенности природно-климатических условий тайги и лесостепи, закрепившиеся в традиционных видах жилищ, и влияние степных скотоводческо-земледельческих племен на строительство лесостепной зоны. В этой связи различие северотаежного и лесостепного домостроительства начинает наиболее четко прослеживаться с эпохи бронзы — со времени формирования двух больших хозяйственно-культурных ареалов: северного с присваивающей экономикой, южного с комплексным производящим и присваивающим хозяйством. Южное лесостепное домостроительство, в отличие от северного — таежного, в эпоху бронзы характеризуется более четким разграничением летних и зимних поселений, более упорядоченным размещением построек на жилой площадке, правильными и удлиненными формами котлованов жилищ, значительным количеством опорных столбов, частыми ремонтами и перестройками жилищ, отсутствием дренажных ям вокруг построек и обваловки основания стен, деталями интерьера, а также наличием дополнительных элементов жилой среды (колодцев, зольников, загонов для скота и т. д.). Разновидности каркасов и входов жилищ обеих провинций домостроительства, по всей вероятности, были сходными. Буферная зона южной тайги, заселенная в эпоху бронзы выходцами из лесостепи, являлась полигоном взаимодействия двух культурных традиций. Новый импульс этому взаимодействию (но уже в лесостепи) придала миграция на юг таежных охотничье-рыболовческих коллективов на рубеже бронзы и железа.

Различается несколько периодов инокультурного влияния на развитие домостроительства древнего населения Зауралья и Западной Сибири. Для эпохи палеолита мы лишь гипотетически можем предполагать, что пришедшие в данные регионы с юга и востока группы охотников имели определенные представления о строительстве жилых и хозяйственных объектов. В неолите-энеолите в Зауралье и западной части Западной Сибири прослеживается прямое и опосредованное кельтеми-

нарское (а возможно, и какое-то более южное) влияние, которое выразилось в строительстве больших и глубоких полуземлянок с полами, покрытыми охрой. С начала бронзового века наиболее существенным становится воздействие скотоводческого мира урало-казахстанских степей, следами которого являются в Зауралье и Западной Сибири характерные прямоугольные жилища, упорядоченная застройка поселков, некоторые типы фортификаций, колодцы, глинобитные печи-очаги. При этом зона воздействия существенно расширилась, охватив практически всю лесостепь и прилегающие районы тайги. Надо полагать, в обоих случаях это было связано с приходом в урало-сибирскую лесостепь части южных племен и с дальнейшим продвижением на север сформировавшегося в лесостепи гибридного кошкинского, боборыкинского, андроновидного и иного населения. С уходом в конце эпохи бронзы части арийских племен евразийских степей на юг и запад в Зауралье в начале эпохи железа проявляются элементы древнего среднеазиатского строительства — правильные кольцевые фортификации, расстановка жилищ по кругу, башни, укрепленные входы.

Интерьеры жилищ на протяжении эпох камня и бронзы не отличались большим разнообразием. Места приготовления пищи, производства, отдыха, хранения запасов пищи и орудий не всегда четко выделялись в жилищах, что объяснялось чаще всего небольшой площадью помещений. Не исключено, что основная часть производственных и домашних дел, особенно в теплое время года, выполнялась вне жилищ — на открытых площадках или в пристроях.

Древние постройки Западной Сибири и Зауралья, как правило, однокамерные. В некоторых случаях жилища состояли из двух или даже нескольких камер, соединенных крытыми коридорами. В зауральских неолитических, прииртышских и барабинских кротовских поселках отдельные дома соединялись переходами. Особый тип двухкамерной (или многокамерной) постройки представляли жилища, разделенные внутренними стационарными стенками или легкими перегородками. Они известны в неолите (ЮАО IX, жилище 1, ЮАО V, жилище 7), энеолите (ЮАО XII, раскоп 3, Шаткуль I) и бронзовом веке (Туманское нижнее, возможно, Самусь IV, Новотроицкое I, Замараевское, Юкаликулевское, Заводоуковское X и др.). В нескольких случаях предвходовая камера была меньше основной (жилой) и содержала мало культурных остатков. С известной долей вероятности, можно считать, что малая камера использовалась как сени. Назначение перегородок в жилищах андроновидных и других лесостепных культур можно объяснить по-разному: разграничением жилых частей помещения и мест содержания скота, выделением секций в связи с особой структурой общины (для малых семей) и т. д.

Входы в жилищах при раскопках прослеживаются довольно

часто, но не всегда. Особенно хорошо фиксируется коридорообразный вход. Он имел две разновидности: тамбур, выдвинутый за пределы стен жилища, и внутренний коридор. Коридоры первой разновидности были сравнительно большой длины (6—8 м), но чаще небольшие (1,5—2 м), ширина их — от 0,6 до 1,5 м. В некоторых случаях по обеим сторонам коридора находятся ямки от столбов, что позволяет реконструировать входы как крытые деревянные сооружения с углубленным от дневной поверхности полом. У отдельных корчажкинских, бархатовских и ирменских построек тамбур начинается подпрямоугольным в плане углубленным расширением, ориентированным перпендикулярно к оси коридора. Внутренние коридоры известны только небольшой длины; конструкция их, за редким исключением (Туманские укрепленные поселения-жилища [67]), неясна. Полы коридоров обоих типов наклонные, корытообразные либо ступенчатые. Внешние коридоры, безусловно, строились с целью предотвращения прямого доступа холодного воздуха в жилище, т.е. частично выполняли роль сеней. Существование внутренних коридоров обусловлено еще и конструктивными особенностями самого жилища (наличием двойной линии стен, глубоких котлованов и т.д.). В большинстве случаев входы не прослеживаются или наблюдаются только по косвенным деталям (например, по разрывам внешней обваловки стен, дренажных канав, особенностям распределения материалов в помещении). Из этого следует, что основная часть входов представляла различные виды дверных проемов с навесными или приставными дверями. Входы чаще всего обращены в сторону водоема, реже — от водоема или параллельно ему, а также на «улицу» или к центру поселка.

К числу конструктивных деталей интерьера жилища необходимо отнести так называемые дренажные канавки по краям котлованов. Некоторые из них являлись обычными следами основания бревенчатых стен построек или специальными углублениями для этих стен (Низямы VIII, ЮАО XII, возможно, ЮАО IX, ЮАО V, жилище 8 и др.). Засыпанные золой канавки и ямки, выкопанные в полах бобрыйкинских жилищ, возможно, специально предназначались для отвода грунтовых вод [30, с. 54]. В других разновременных зауральских неолитических жилищах дренажные канавки иногда образуют довольно сложные системы (Дуванское V, Исток IV, жилище 1) [40, с. 146—151, 159; 44, с. 132—134]. В одной из неолитических построек подковообразная в плане канавка ограничивала зону кухонной деятельности [45, с. 172—173]. Вместе с тем в жилищах других периодов и культур такие же или более широкие углубления могли выполнять функцию дренажа в сочетании с иным назначением. Они выкапывались главным образом для установки рядов крепежных столбов (мезолитические постройки Геологического III, неолитические жилища Амни I и ЮАО XV,

энеолитические Каксинской горы III, постройки екатерининской, степановской, ирменской и других культур). Кроме того, в отдельные углубления сбрасывали различные бытовые и хозяйственные отходы; здесь же, вероятно, по краям помещений находились загоны для скота, содержавшегося в жилищах в зимнее время (ирменские постройки Прииртышья и Приобья).

В археологической литературе видам полов древних построек уделяется необоснованно малое внимание, поэтому на этой детали интерьера мы остановимся несколько подробнее.

Археологические данные свидетельствуют, что полы в жилищах были двух основных типов: грунтовые (песчаные, земляные, скальные и т. д.) без покрытия и с искусственным покрытием (деревянные, глинобитные, деревянные в два наката с глинобитным покрытием и др.). Скальные и глинобитные полы редки. Относительно реального количественного соотношения обычных грунтовых, деревянных и иных полов единого мнения (в том числе у авторов статьи) не сложилось.

Археологическая практика показывает, что большая часть жилищ имела обычные грунтовые полы. По данным этнографов, у коренного населения Западной Сибири эти полы обычно застилались сухой травой [74, с. 44]. С эпохи мезолита в стационарных жилищах сооружались и деревянные настилы (Геологическое III, Сумпанья IV, Чес-тый-яг, Амня I, II, Нижняя Макуша, Палатки II, отдельные барсовогорские памятники, возможно, Дуванское V и др.). Вместе с тем сплошному покрытию полов мешали многочисленные хозяйственные ямы, столбы, очаги, канавы и лежанки. Пока нет данных о существовании деревянных полов в жилищах андроновских, андронидных и постандронидных культур Зауралья и Западной Сибири. Для андроновских и саргаринских построек урало-казахстанских степей такие полы не характерны; правда, предполагается, что жилища федоровского поселка Павловка в Северном Казахстане были двухъярусными и имели на высоте 1—1,2 м от земли бревенчатый настил, который, вероятно, был обмазан глиной и засыпан слоем песка [73, с. 114].

Тем не менее некоторые исследователи считают, что в большинстве случаев полы западносибирских построек имели деревянный настил. В пользу этого приводятся следующие доводы. Котлованы жилищ имеют горизонтальный пол, даже если котлован был выкопан в песчаном грунте. Полное отсутствие бревен ничего не доказывает — при раскопках археологи, за редкими случаями, не находят остатков деревянных столбов, перекрытий и стен. Почти во всех жилищах открыты многочисленные столбовые ямки, но глубина их невелика (15—20 см). Будь пол без деревянного покрытия, обитатели вытаптывали бы грунт (чаще всего песчаный) и не оставили бы следов столбовых ямок. Наконец, еще одно наблюдение. Земляные полы обычно накапливают заметную долю органики,

которая должна хорошо прослеживаться при раскопках в разрезе и на плане, однако этого не наблюдается. Следовательно, какой-то бытовой мусор, видимо, периодически выбрасывался из жилища, а верхняя толща земляного покрытия оставалась неутрамбованной и не насыщенной органикой.

Однако каждому из этих аргументов при желании можно привести контрдоводы. Покрытие из травы и дерна также предотвращало излишнюю деформацию пола и способствовало накоплению в нем культурных остатков. При смене травяной подстилки часть бытовых и производственных отходов удалялась из жилища. Так, накапливались хорошо известные зольники. Кроме того, в песчаных грунтах Севера Евразии, как показывают наблюдения биологов и археологов, органика накапливается очень медленно, тысячелетиями. Основная ее масса размывается и по крупичкам спускается в глубь песка. Это объясняет не только сложность фиксации погребенной органики на полах древних построек, но и отсутствие мощных подзолов и черноземов на песчаных западносибирских террасах, где имеются только тонкий дерновый покров и маломощный выщелоченный оподзоленный песок. Приведем еще один аргумент. Археологические материалы в заполнении котлованов жилищ часто залегают на различной глубине и даже ниже уровня пола. Полы построек с эпохи бронзы обычно не горизонтальные: как правило, они понижены к центру, где утаптывались сильнее. В ходе раскопок уровень пола (погребенная органика) лучше прослеживается по краям котлована, а не в центре. Все это возможно при отсутствии твердых настилов полов.

В целом вопрос о соотношении типов полов остается открытым. Для решения его необходимы целенаправленные контрольные раскопки и анализы специалистов-почвоведов.

Основными, наиболее часто встречающимися элементами интерьера древних жилищ, были очаги, хозяйственные ямы, а также земляные нары. Гораздо реже встречаются в стенках котлованов и по их углам ниши-кладовые (в мезолитических и неолитических постройках), на дне котлованов — колодцы (в андроновских и андронидных жилищах), специализированные производственные места и различные деревянные конструкции (например, в Туманском верхнем жилище).

Очаги подразделяются на наземные и углубленные. Наземные представлены обычными кострищами, чаще всего округлыми и овальными. Иногда такие костры окружены печочкой камней (энеолитические и гамаюнские жилища Зауралья, возможно, Малоатлымское — верхний горизонт), кольцевыми, подковообразными и дуговидными канавками (пахомовские, бархатовские, лозьвинские), земляными валиками (екатерининские). Известны случаи, когда костер находился между двумя прямыми параллельными канавками (Заводоуковское X) либо

на земляных (песчаных) платформах — столах (Амня I и др.). Такие же столы сооружались и рядом с очагами (Ташково I). Возможно, роль столика выполнял и останец в черкаскульском жилище Липовой Курьи. В одной из неолитических построек поселения ЮАО XII сохранился тлен от деревянной конструкции (1,2×1,2 м), выше которого находился прокол. Возможно, это было сооружение для поднятия очага [30, с. 31]. Некоторые из наземных очагов сложены из камней (Самусь IV, Еловка, Милованово-3), глиняных кирпичиков (округлые и квадратные сузгунские, округлые пахомовские очаги) либо имели вид глинобитных сфер (Черноозерье I) и овальных платформ (Милованово-3). В неолитических жилищах Исетского Правобережного поселения рядом с приподнятыми очагами, в конструкции которых использованы камни, находились специальные столики из плоских камней, а также каменные кладки и материковые останцы, укрепленные деревом [43, с. 51].

Углубленные очаги чаще всего овальные и без дополнительных конструкций. Реже встречаются подквадратные очажные ямы (бархатовские и др.). Правильная форма очага, по-видимому, обусловлена наличием в прошлом деревянной рамы. В андроновских, андроноидных и ирменских постройках подквадратные, округлые и длинные канавообразные ямы обмазывались глиной или мостились глиняными кирпичиками. В глиняную обмазку иногда вмуровывались камни. На ирменском поселении Милованово-3 овальная яма с помощью материковых выступов делилась на две камеры. Оба выступа были покрыты плоскими камнями, на которые возле стен опирался глинобитный свод [75, с. 83—84]. Такие сложные по конструкции очаги-печи использовались для обжига керамики и, возможно, для расплавки цветных металлов перед отливкой изделий. Довольно часто очажные углубления обкладывались или мостились камнем (мезолитические стоянки Зауралья, Самусь IV, бархатовское жилище поселения Палатки II, Красноозерское Новотроицкое I). В Зауралье очаги часто выкапывались в скальных породах. В западносибирских жилищах камни клались в заполнении очага для аккумуляции тепла (Низямы VIII, Сибсаргатка I, возможно, Инберень IV и др.). В культурах крестовой керамики выявлены углубленные очаги, в конструкции которых одновременно использованы дерево и глина (Красноозерское, Молчановская Остяцкая гора).

Рядом с очагами разных конструкций выявлены ямки от деревянных колышков (екатерининские постройки, Молчановская Остяцкая гора и др.) и каких-то других деревянных околоочажных сооружений (пахомовские, межовские).

В целом для ранних эпох характерны наиболее простые разновидности наземных и углубленных очагов, а наиболее сложные — для периода поздней бронзы. Между тем с мезоли-

та (в виде исключения) встречаются и довольно совершенные конструкции. Выбор материала, оформлявшего очаг, в значительной мере зависел от природных особенностей зоны и культурных традиций. Частое использование дерева обычно для всей лесной зоны, камня — для Зауралья и отчасти лесостепи Западной Сибири, глины — для андроновских, андроновидной и ирменской культур, а также для южнотаежных племен крестовой керамики.

Количество очагов в помещениях неодинаково — от одного до десяти. Расположение их разнообразное: в центре, под дымоходом, вдоль длинной оси жилища; у входа или в коридоре, несколько реже — у стен и в углах построек. Очаги предназначались для освещения и обогрева помещения, в том числе устроенные перед входом или в тамбурах — для создания теплового барьера. На кострах готовили и консервировали пищу, обжигали глиняную посуду, флюсы, плавил металл. Можно предположить, что некоторые виды глинобитных и каменных очагов были специализированными — преимущественно для производственных целей. В известной степени они являлись предшественниками более совершенных глинобитных каменных и глинобитных печей и металлургических домниц-горнов.

Открытые в жилищах хозяйственные ямы, как правило, грунтовые округлой и овальной формы. С эпохи мезолита до конца бронзового века наряду с ними сооружались более редкие квадратные ямы (поселения Геологическое III, пахомовские, сузунские, ирменские, гамаюнские и др.). Стенки некоторых из них укреплялись деревянными рамами (Туманское верхнее) или плетнем (ирменские жилища). Хозяйственные ямы предназначались, вероятно, для хранения и консервации пищевых продуктов; располагались они у очагов и дальних от входа частей жилых камер.

В стенках котлованов углубленных построек раннего неолита Зауралья и Западной Сибири достаточно часто сооружались ниши, имевшие, вероятно, хозяйственное назначение. В нише рядом с входом (черкаскульского жилища Липовой Курьи) находился очаг.

Земляные лежанки представляли собой невысокие прямоугольные платформы, примыкавшие к боковым или дальним от входа стенкам помещений. В некоторых жилищах прослежены остатки деревянных креплений таких платформ или нар (Большеларьяжское II, Ташково II). В качестве лежанок, по всей видимости, также использовались края овальных и округлых котлованов наземных построек. Лежанки покрывались травой, лапником, шкурами животных.

В ряде жилищ выявлены производственные места, обычно находившиеся около очагов. На это указывает концентрация здесь отходов камнеобработки, сплесков металла, сломанных орудий, обломков тиглей, и других специфических остатков.

В отдельных постройках эпохи поздней бронзы западносибирской лесостепи открыты колодцы глубиной от 2 до 4 м, обычные для андроновских поселений урало-казахстанских степей. На кротовском поселении Инберень Х колодец, находившийся за пределами ограды, оформлен какими-то креплениями [76, с. 54—55].

Общие выводы по домостроительству. Определяя место жилищ эпох камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири в истории развития культуры Евразии, необходимо обратить внимание на несколько больших областей распространения традиционных типов построек в этой части земного шара. В данном случае нас интересует западная часть Евразии.

Так, на этой территории для эпохи бронзы Е. Е. Кузьмина выделяет две зоны развития домостроительных традиций [77]. Первая — от Средиземноморья до северо-запада Индостана — поселения со сплошной застройкой многоскатными или кирпичными домами с плоской кровлей и внутренними дворами; вторая — Центральной и Южной Индии — поселения из легких наземных хижин площадью 10—12 м², со стенами из бамбука и кольев, обнесенных плетнем или тростником, обмазанных глиной; легкая крыша из пальмовых веток и тростника конической или пирамидальной формы [77, с. 33]. Две зоны домостроительства Е. Е. Кузьмина связывает с двумя областями расселения племен с производящей экономикой: 1 — с древнеземледельческой культурой индопереднеазиатского типа, 2 — с культурой пастушеских племен центральноевропейского типа. Последняя домостроительная традиция связывается Е. Е. Кузьминой с индоиранцами, сформировавшимися в степях Евразии и постепенно переселившимися на п-ов Индостан. В последнем регионе традиции североиранского домостроительства резко отличались от традиций, восходящих к хараппской цивилизации.

На наш взгляд, в западной части Евразии (от Балтики до Восточной Сибири) существовал и сохранился до наших дней третий ареал домостроительства, подразделявшийся, в свою очередь, на две провинции — лесостепную и лесную (таежную). Первичное разграничение этих провинций намечается уже в неолите, но окончательное формирование произошло в эпоху бронзы.

Отличные от южных домостроительные традиции сложились у охотников и рыболовов тайги, на протяжении эпох камня и бронзы не имевших производящих видов экономики. Они расселялись в лесной зоне, где климат был суровым и выпадало большое количество разнообразных осадков (как летом, так и зимой). Это предопределило формирование таких черт построек таежной зоны, как значительная углубленность жилищ и расположение их на высоких сухих террасах в период паводков, преобладание наземных либо слабоуглубленных домов на сравнительно низких местах во время климатических оптиму-

мов. Эта традиция также включала преимущественно каркасно-столбовые и бревенчатые стационарные долговременные или сезонные конструкции и легкие каркасные временные переносные строения, покрытые корьем, ветками или шкурами животных. Усеченно-пирамидальные, реже — конические и пирамидальные наземные части построек. Остальные конструктивные детали жилищ также хорошо согласуются с условиями проживания населения в лесной зоне. Заметим, что северная часть Евразии от Балтики до Енисея традиционно связывается с финно-угорско-самодийской этно-лингвистической общностью. С этой точки зрения, можно говорить о существовании определенных этнодиагностирующих признаков жилищ таежной зоны. Все приведенные типы северотаежных жилищ Западной Сибири и виды их интерьеров в той или иной разновидности сохранялись на протяжении эпохи железа и дошли до современности [74, с. 39—49; 78, 79, с. 30—33].

Сложнее дело обстояло с домостроительством лесостепной зоны и прилегающих районов южной кромки тайги, подвергавшихся постоянным прямым и опосредованным воздействиям южных обществ. В неолите и энеолите в Зауралье и некоторых западных областях Западной Сибири прослеживаются некоторые черты среднеазиатского воздействия. С эпохи развитой бронзы в урало-сибирской лесостепи усиливается влияние степных индоиранских скотоводческо-земледельческих культур. Это привело к распространению элементов южного домостроительства в среде коренного населения лесостепи и южной тайги Зауралья и Западной Сибири. Встречные миграции таежного населения в лесостепь в конце бронзового — начале железного века предопределили частичное взаимодействие лесных и степных домостроительных традиций.

В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в условиях тайги сформировалась домостроительная традиция, не имеющая существенного сходства ни с западносибирской, ни с восточно-европейской.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что данная работа по ряду объективных причин не претендует на полное освещение заявленной темы. Домостроительство некоторых периодов и районов охарактеризовано только суммарно, без достаточной детализации. Главная причина этого (как и невозможность приведения в ссылках всех использованных источников) — ограниченный объем статьи. Предметом специального обсуждения является развитие оборонительного строительства, которое будет изложено в последующих публикациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попов А. А. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961.

2. Викторова В. Д. Обоснование программы археологического исследования поселений // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984.
3. Брюсов А. Я. Жилище: история жилища с социально-экономической точки зрения. Л., 1926.
4. Спиркин А. Г. Человек, культура, традиция // Традиция в истории культуры. М., 1978.
5. Борзунов В. А., Стоянов В. Е. Некоторые черты развития представлений о раннем железном веке Урала (к методике анализа памятников на примере гамаюнских городищ) // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1981. Вып. 15.
6. Борзунов В. А. Гамаюнская культура (основные характеристики) // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск, 1982.
7. Щербакова Т. И. О современном состоянии изученности палеолита Южного Урала // Источники и источниковедение истории и культуры Башкирии. Уфа, 1984.
8. Петрин В. Т. Палеолитические памятники Западносибирской равнины. Новосибирск, 1986.
9. Матюшин Г. Н. Многослойное поселение Мысовое на оз. Карабалыкты // КСИА. 1973. Вып. 136.
10. Сериков Ю. Б. Население Урала эпохи мезолита (VIII—VI тысячелетие до н. э.) // История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989.
11. Петрин В. Т., Сериков Ю. Б. Комплекс эпохи палеолита с восточного склона Среднего Урала // Эпоха камня и палеометалла Азиатской части СССР. Новосибирск, 1988.
12. Сериков Ю. Б. Первоначальное заселение Урала человеком // История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989.
13. Генинг В. Ф., Петрин В. Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск, 1986.
14. Петрин В. Т., Смирнов Н. Г. Палеолитические памятники в горах Среднего Урала и некоторые вопросы палеолитоведения Урала // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977.
15. Петрин В. Т., Смирнов Н. Г. Палеолитический памятник в Шикаевке на правобережье Тобола // ВАУ. 1975. Вып. 13.
16. Бадер О. Н., Матюшин Г. Н. Новый памятник среднего палеолита на Южном Урале // СА. 1973. № 4.
17. Бадер О. Н., Сериков Ю. Б. Гаринское палеолитическое местонахождение на р. Сосьве // СА. 1981. № 3.
18. Бобров В. В. Основные этапы освоения Обь-Чулымского междуречья // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. Новосибирск, 1989.
19. Маркин С. В. Палеолитические памятники бассейна р. Томи. Новосибирск, 1986.
20. Васильев С. А. Некоторые проблемы социально-экономической реконструкции финального палеолита Южной Сибири // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990.
21. Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. 3-е изд. Прага, 1985.
22. Варанкин Н. В., Сериков Ю. Б. Исследования памятников каменного века на реке Туре // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.
23. Сериков Ю. Б. Производящие формы труда населения Среднего Зауралья в каменном веке // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989.
24. Беспрозованный Е. М. Первые мезолитические жилища в таежной зоне Западной Сибири // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985.
25. Зайберт В. Ф., Потемкина Т. М. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья // СА. 1981. № 3.

26. Хабдулина М. К., Зданович Г. Б. Ландшафтно-климатические колебания голоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане // *Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья*. Челябинск, 1984.
27. Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М., Фирсов Л. В. Влияние природных условий на заселение и формирование хозяйственного уклада в Нарымском Приобье в эпоху неолита и бронзы // *ОЕГС ИПЗС*. Томск, 1979.
28. Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск, 1980.
29. Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М. Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979.
30. Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья: Учебное пособие по спецкурсу. Свердловск, 1989.
31. Чернецов В. Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита // *Проблемы археологии Урала и Западной Сибири*. М., 1973.
32. Бадер О. Н. Волго-Камская этнокультурная область эпохи неолита // *Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита*. Л., 1973.
33. Ковалева В. Т. Хозяйство, социальный строй и духовная культура населения эпохи неолита (V — середина III тысячелетия до н. э.) // *История Урала с древнейших времен до 1861 г.* М., 1989.
34. Морозов В. М., Стефанов В. И. Исследования в бассейне р. Казым // *Археологические открытия Урала и Поволжья*. Сыктывкар, 1989.
35. Васильев Е. А. Хронология и этнокультурная принадлежность памятников эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосьвы // *Этнокультурные процессы в Западной Сибири*. Томск, 1983.
36. Хотинский Н. А., Немкова Н. К., Сурова Н. Г. Главные этапы развития растительности Урала в голоцене // *Археологические исследования Севера Евразии*. Свердловск, 1982.
37. Кокшаров С. Ф. Опыт реконструкции некоторых мифологических представлений кондинского населения эпохи неолита // *Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала*. Свердловск, 1990.
38. Чемякин Ю. П. Неолитическая стоянка Барсова гора II/17 в Сургутском Приобье // *Неолитические памятники Урала*. Свердловск, 1991.
39. Кернер В. Ф. Раскопки поселения Исетское Правобережное // *Археологические открытия Урала и Поволжья*. Сыктывкар, 1989.
40. Стефанов В. И. Неолитическое поселение Дуванское V // *Неолитические памятники Урала*. Свердловск, 1991.
41. Ковалева В. Т., Ивасько Л. В. Раскопки поселения Ташково III на р. Исеть // *Археологические открытия Урала и Поволжья*. Сыктывкар, 1989.
42. Алексашенко Н. А., Викторова В. Д., Панина С. Н. Жилища Андреевского озера (IX участок) // *Древние поселения Урала и Западной Сибири*. Свердловск, 1984.
43. Кернер В. Ф. Поселение Исетское Правобережное // *Неолитические памятники Урала*. Свердловск, 1991.
44. Стефанова Н. К. Исток IV — неолитический памятник Тюменского Притоболья // *Неолитические памятники Урала*. Свердловск, 1991.
45. Алексашенко Н. А., Викторова В. Д. Неолитические жилища ЮАО V // *Неолитические памятники Урала*. Свердловск, 1991.
46. Дрябина Л. А., Пархимович С. Ю. Поселение Гилево VIII // *Неолитические памятники Урала*. Свердловск, 1991.
47. Ковалева В. Т. Среднее Зауралье в переходное время от неолита к бронзовому веку: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.
48. Ковалева В. Т. Андреевская группа памятников в Нижнем Притоболье // *Вопросы археологии Приобья*. Тюмень, 1979.
49. Старков В. Ф. Стоянка Ипкуль I и особенности энеолита в лесном Зауралье // *Вопросы археологии Приобья*. Тюмень, 1976.
50. Корякова Л. Н., Стефанов В. И., Стефанова Н. К. Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III. Свердловск, 1991.

51. Петров А. И. К вопросу о среднеиртышской неолитической культуре // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984.
52. Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Поселение Кокуй I // ВАН. 1969. Вып. 8.
53. Косинская Л. Л. Поселение Ир II // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984.
54. Панфилов А. Н. К вопросу о периодизации неолита лесостепного Приишья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991.
55. Молодин В. И. Памятники одиновского типа в Барабинской лесостепи // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981.
56. Крижевская Л. Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л., 1977.
57. Косарев М. Ф. Первый период развитого бронзового века Западной Сибири (самусьско-сейминская эпоха) // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
58. Стефанова Н. К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
59. Кондратьев О. М. Раскопки поселения эпохи ранней бронзы Черноозерье VI в 1970 г. // ИИС. 1974. Вып. 15.
60. Молодин В. И. Преображенка-3 — памятник эпохи ранней бронзы // ИИС. 1974. Вып. 15.
61. Глушков И. Г. Кротовская культура на Иртыше (по материалам поселения Саранин II) // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984.
62. Молодин В. И., Полосьмак Н. В. Венгерово-2 — поселение кротовской культуры // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978.
63. Кирюшин Ю. Ф., Посредников В. А., Фирсов Л. В. Абсолютный возраст некоторых памятников неолита и бронзы Западной Сибири // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981.
64. Панина С. Н. Домостроительные традиции населения эпохи бронзы горно-лесного Зауралья // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989.
65. Стефанов В. И., Кокшаров С. Ф. Северное Зауралье накануне бронзового века // СА. 1990. № 3.
66. Гаджиева Е. А., Кокшаров С. Ф. О раскопках поселения Геологическое VII // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.
67. Борзунов В. А., Липский В. И. Туманские укрепленные поселения-жилища // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984.
68. Ковалева В. Т., Устинова Е. А., Хлобыстин Л. П. Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984.
69. Корякова Л. Н., Кокшаров С. Ф. Археологические аспекты древней истории Зауралья и Западной Сибири (эпоха камня и бронзы) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991.
70. Васильев Е. А. Проблемы реконструкции социальных отношений древних обществ таежной полосы Западной Сибири (неолитическая эпоха) // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990.
71. Крижевская Л. Я., Гаджиева Е. А. Неолитическое поселение Сумпанья VI и его место в неолите Восточного Зауралья // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1990.

72. Васильев Е. А. Миграционные процессы в таежной полосе Западной Сибири в энеолитическую эпоху (причина и динамика) // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987.
73. Малютина Т. С. Поселения и жилища федоровской культуры урало-казахстанских степей // Археология волго-уральских степей. Челябинск, 1990.
74. Шатилов М. Б. Ваховские остяки. Этнографические очерки. Томск, 1981.
75. Сидоров Е. А., Новикова О. И. Очаги ирменского поселения Милованово-III // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991.
76. Стефанова Н. К. Новый памятник кротовской культуры на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985.
77. Кузьмина Е. Е. Две зоны развития домостроительных традиций в Старом Свете // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск, 1988.
78. Кернер В. Ф. Жилища финно-угорских народов по этнографическим данным // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1988.
79. Гемуев И. Н., Сагалаев А. М., Соловьев А. И. Легенды и были таежного края. Новосибирск, 1989.
80. Сериков Ю. Б. Материальная культура мезолитического населения Среднего Зауралья // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
81. Сериков Ю. Б., Старков В. Ф. Мезолит Среднего Зауралья и Западной Сибири // Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989.
82. Бобров В. В. Стоянка каменного века на оз. Большой Берчихуль // Историческая этнография: Традиция и современность. Проблемы археологии и этнографии. Л., 1983. Вып. 2.
83. Генинг В. Ф., Петрин В. Т., Косинская Л. Л. Первые поселения эпохи позднего палеолита и мезолита // ИИС. 1973. Вып. 5.
84. Молодин В. И. Проблемы мезолита и неолита лесостепной зоны Обь-Иртышского междуречья // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1985.
85. Гусенцова Т. М. Новые мезолитические поселения в междуречье Камы и Вятки // СА. 1981. № 3.
86. Ковалева В. Т. Бобрыкинская культура: Итоги изучения // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986.
87. Денисов В. П., Мельничук А. Ф. Второе жилище Хуторской стоянки // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.
88. Ковалева В. Т. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Притоболья // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
89. Юровская В. Т. Новые памятники эпохи бронзы на Андреевском озере у г. Тюмени // ИИС. 1974. Вып. 15.
90. Косинская Л. Л. Позднеэнеолитическая стоянка Артын на Среднем Иртыше // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск, 1982.
91. Кокшаров С. Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1991.
92. Чемякин Ю. П., Кокшаров С. Ф. Поселение начала I тысячелетия до н. э. на Барсовой горе // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984.
93. Стефанова Н. К., Кокшаров С. Ф. Поселение бронзового века на р. Конде // СА. 1988. № 3.
94. Борзунов В. А. Сравнительный анализ зауральской и западносибирских культур крестовой керамики // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986.
95. Хлобыстин Л. П. Поселение Липовая Курья. Л., 1976.
96. Матвеева Н. П. Энеолитическая стоянка в Сургутском Приобье // Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1979.
97. Стефанова Н. К. Исследования в Кондинском районе // АО-1979. М., 1980.

98. Чемякин Ю. П. Сургутское Приобье во II—I тысячелетиях до н. э. // Материалы VI международного конгресса финно-угроведов. М., 1989. Т. 1.

99. Елькина М. В. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977.

100. Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972.

Н. А. АЛЕКСАШЕНКО

ТУМАНСКАЯ II СТОЯНКА

Стоянка была открыта в 1962 г., раскопки на ней производились дважды. Небольшой объем исследований обусловлен плохой сохранностью памятника [1]. Здесь расположена усадьба лесника, вследствие чего большая часть культурного слоя стоянки уничтожена в результате хозяйственной деятельности.

Несмотря на то, что последние материалы были получены автором в 1969 г., необходимость их публикации объясняется до сих пор слабой изученностью района, отсутствием или фрагментарностью упоминаний об этих памятниках в археологической литературе [2, 5].

Стоянка расположена в 400—500 м к северо-западу от пос. Туман (Гаринский р-н Свердловской обл.), на мысу при впадении р. Кульмы в р. Тыню. Последняя через 600—700 м впадает в оз. Большой Вагильский Туман (рис. 1). Памятник занимает песчаную дюну высотой 2—2,5 м над уровнем воды (измерения проведены в дождливое лето). Находки распространены почти по всей поверхности возвышенности, но особенно многочисленны в ее восточной и северо-восточной частях, где дюна выдается небольшим мысом в сторону р. Тыни.

Раскоп 1969 г. (площадь 31 м²) был ограничен со всех сторон: с севера — старым раскопом, востока — столбом ЛЭП и пнем, юга — пнем, запада — изгородью усадьбы лесника. Раскопки стоянки проводились участками (3 × 3 м). Линии участков обозначены с запада на восток заглавными буквами, а с севера на юг — цифрами (1—3). При нивелировке сетки участков за нулевую отметку принята точка в северо-западном углу раскопа (рис. 2, 1).

Стратиграфия памятника следующая: дерн с углями (0—10/15 см), ниже — коричневый суглинок с песком — культурный слой (10/15—50/80 см), подстилающий слой — серая глина с песком (глубже 80 см)*. В пределах культурного горизонта

* Здесь и далее: замеры глубин даны от условного нуля.